UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00365869 7

Krasnopol'skaia, Tat'iana
Cheloviek ottuda

PG
3476
K6895
C4

Т. КРАСНОПОЛЬСКАЯ.

ЧЕЛОВѢКЪ ОТТУДА

828
К 247

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/cheloviekottuda00kras

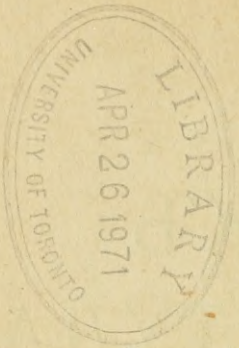
Krasnopol'skaia, Tat'iana

Т. КРАСНОПОЛЬСКАЯ.

Chelovĕk ottuda

ЧЕЛОВѢКЪ ОТТУДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко.
БЕРЛИНЪ
1922 г.



Право собственности закрѣплено.

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Uebersetzungsrecht.

PG
3476
K6895C4

Печатано въ типографіи О-ва „PRESSE“ Berlin SW 19, Leipziger Str. 59.

ЗАПИСКИ РОТМИСТРА N.

ВМѢСТО ЭПИГРАФА.

— Я ждалъ на балконѣ, пока пошли сказать о моемъ пріѣздѣ. Я не рѣшался пройти въ своемъ безпорядочномъ и пыльномъ видѣ дальше, хотя и стоялъ на порогѣ дома друга.

Въ раскрытое боковое окно виднѣлся столъ, покрытый кружевной скатертью, пестрыя коробочки, склянки, часть зеркала и мелькавшій передъ нимъ красивый локоть. Быстро исчезалъ его изгибъ: даму торопилъ мужъ.

Она полусердито, полусмѣясь, отвѣчала:

— Ну, неужели это важно — прійти позже или раньше? Позже даже эффектнѣе.

Вдругъ оба спросили разомъ: — Кто? Офицеръ съ фронта? Оттуда?

Я увидѣлъ безпомощное движеніе руки.

— Иди же, зови. Конечно, мы никуда не пойдемъ: вѣдь это человѣкъ оттуда.

Рѣзко отодвинули стулъ. Должно быть, упалъ какой-то флаконъ, потому-что она воскликнула:

— Досада. Впрочемъ, разбитое стекло — хорошая примѣта! —

Т. К.

Россія, весна 1920 года.

Если я допишу, то есть, если Господь приведетъ меня къ возможности не только продолжить начатое сегодня, но и сохранить мнѣ жизнь, — я желалъ - бы передать настроенія и состоянія, въ атмосферѣ которыхъ находятся наши души. Я намѣренъ заносить не одни только свои наблюденія, но и впечатлѣнія и переживанія неожиданныхъ людей, попадавшихся на моемъ пути. Впослѣдствіи, я поставлю начатую нынче тетрадь записокъ рядомъ съ немногими мемуарами предковъ и иными воспоминаніями, уцѣлѣвшими при пожарѣ нашей усадьбы. Поставлю въ томъ случаѣ, если, конечно, у насъ вмѣсто теперешняго сплошного бивуака, снова будутъ свои углы съ книжными полками.

Пусть не ищутъ моя родня (будущая также) и посторонніе случайные читатели въ исписанныхъ мною листахъ ни дневника, ни, тѣмъ болѣе, историческихъ записокъ въ общепринятомъ пониманіи. Пусть слова «Россія» и «1920 годъ» не указываютъ лишь на одну гражданскую войну, или на рядъ военныхъ заблужденій, или успѣховъ, на невѣрно намѣченныя цѣли и неудачныя столкновенія и на безвоз-

вратно высохшую кровь. — равно приведшіе къ безсмысленному перерыву жизни. Но пусть увидятъ въ собранныхъ мною отрывкахъ отраженія событій. Я хочу прослѣдить въ нагроможденіяхъ современности тщетность, суетность и восторженность душевную людей, заблудившихся въ вереницѣ событій. Хочу слѣдить за тѣми, кто предается этимъ волненіямъ, сжатый кольцомъ смятеній и страданій.

Есть не нами предначертанныя ошибки, и не нами установленныя торжествованія, но есть также нерушимая связь между существами, душами и ихъ судьбами. Въ безпрестанной смѣнѣ высшаго съ низшимъ, въ сплетеніи возможности и совершеній и въ сліяніи достиженій и намѣреній — есть притягивающая игра жизни, единственное, что въ ней осталось зовущаго. Быть можетъ, поэтому, мы еще не выдернули руку изъ ея цѣпкихъ пальцевъ.

Третьяго дня я вернулся изъ отпуска, двухнедѣльной передышки, которую мнѣ далъ командиръ, чтобы освѣжиться. Я нашелъ вмѣсто полка — остатки его, что явилось слѣдствіемъ послѣдняго воинственнаго предпріятія. Обстоятельство это заставило отвести насъ на отдыхъ — въ небольшую деревушку, отстоящую достаточно далеко, чтобы не слышать орудій, и чтобы на время предаться мирному житью.

Я снова могу располагать временемъ и болѣе или менѣе зависѣть отъ самого себя впредь до пополненія нашей части и, слѣдовательно, до первой схватки. До возвращенія сюда я сидѣлъ въ глубокомъ, но въ сущности, близкомъ тылу: поле, предназначенное для

нашихъ братоубійственныхъ встрѣчъ не слишкомъ обширно, а съ нѣкоторыхъ поръ кругъ его съуживается, почти замыкается.

Находясь въ отпуску, я могъ бы освѣжиться почти въ буквальномъ значеніи этого слова: я поселился въ прелестномъ приморскомъ городкѣ, — еще такъ недавно излюбленномъ моими соотечественниками курортѣ.

Я проводилъ упоительныя утра на берегу, слѣдя за сине-лиловыми переливами волнъ, уносясь съ порывами вѣтра куда-то неизмѣримо дальше зеленаго горизонта. Но наступалъ день, ненавистный промежутокъ времени, съ безжалостнымъ всеразлагающимъ солнцемъ. Его обжигающіе лучи заставляли таять надежды и желанія, отнимая силы у истомленныхъ тѣлъ. Безпощадно яркій свѣтъ показывалъ мнѣ увядающихъ дѣтей, оставленныхъ женъ и забытыхъ любовниковъ, тускнѣющіе глаза, безобразные хвосты передъ хлѣбными лавками и очереди передъ окнами молочницъ. На пыльныхъ и раскаленныхъ улицахъ торгаши съ потными, тупыми лбами сшибали съ ногъ другъ друга; со мною встрѣчались взглядами идущіе къ гибели. Я бѣжалъ, я скрывался за темными ставнями въ прохладной, какъ погребъ, комнатѣ. Я пилъ вино, я засыпалъ, чтобы очнуться ночью, когда спокойная луна золотила море, когда все становилось вновь ликующимъ и казалось, вѣчнымъ.

Вечерами и ночами я претворялся въ сладостномъ воздухѣ, точно сливаясь съ нимъ и на длительныя мгновенія переставалъ ощущать самого себя.

Когда я просыпался и отъ соприкосновенія съ днемъ возвращалось сознаніе, — тогда я неизмѣнно считалъ свой возвратъ «туда», преступленіемъ. Я преступникъ передъ самимъ собою. Слѣдовало оставаться безвыѣздно здѣсь, вѣдь я вычеркнутъ изъ жизни. . .

Забвенія болѣе не существуетъ, его вытѣснилъ уродливый видъ нашего бытія, называемый войною. Нашъ удѣлъ, мой и современниковъ, непрерывная борьба. Казалось, что жизнь — обманъ, легко разсѣиваемый лучами солнца.

Все же я не раскаиваюсь: я увидѣлъ среди ужаса возвышенное и въ высшемъ — ужасъ. Наша тревожная эпоха полна возставшими душами, а не только мятежными людьми, — и не одними рабами, бѣгущими самихъ себя. Я узналъ и я утверждаю, что нѣтъ преградъ для требованій и законовъ души, ничто не останавливаетъ ея стремленій. Считайте это, если хотите, несовмѣстимостью или величайшей нелѣпостью въ дни историческаго перелома — мои несложные разсказы, быть можетъ, послужатъ тому опроверженіемъ. Историкъ и философъ займутся описаніемъ нравовъ и толкованіемъ идей нашего времени. Другимъ — предоставляется право судить и терзать взбунтовавшіяся души, безконечно близкія мнѣ, особенно мнѣ понятныя, когда я здѣсь, — недалеко отъ фронта. —

СТРАННИЦА.

Повѣсть въ отрывкахъ.

Безконечные слухи, передававшіеся еще на дняхъ изъ дома въ домъ лишь однѣми кумушками, начали оправдываться. Это почувствовалось вдругъ и замѣчалось уже въ мелочахъ. Невозмутимые скептики и недовѣрчивые старики изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ незамѣтно очутились въ пріемныхъ учрежденій, вѣдавшихъ способами передвиженій. Къ вокзалу днемъ и ночью горожане тащили сундуки и ящики. Офицеры сопровождали въ повозкахъ женъ и знакомыхъ дамъ, бережно поддерживая смѣшныя, желтыя картонки, хранившія, вѣроятно, немногія цѣнныя вещи своихъ обладательницъ. Встрѣчавшіеся на покрытыхъ бурымъ снѣгомъ панеляхъ люди вели одни и тѣ-же разговоры: куда и когда? Лица прохожихъ выражали вызовъ, смѣшанный съ презрѣніемъ и разочарованіемъ — это у однихъ, — у обманутыхъ въ своихъ разсчетахъ; у другихъ — отчаяніе, едва сдерживаемое остатками гордости и замкнутаго страданія.

Толпа груба и не умѣетъ скрывать своихъ чувствъ и мнѣній — такъ называетъ она свои впечатлѣнія. Толпа разноситъ по щелямъ, какъ вѣтеръ пыль, недовольство и недовѣріе, а отъ нихъ вѣетъ затхлостью и опасностью.

Немногіе, потихоньку, и въ смущеніи, спрашивали, отводя знакомаго за уголъ:

— Что произошло? Неужели неудача?!

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричали имъ еще вѣрующіе.— Просто успѣхъ намъ измѣнилъ, но вѣдь это не страшно: измѣна преходяща, а успѣхъ прихотливъ. Онъ вернется, онъ вернется!..

Между тѣмъ въ сумерки одного вечера, также, впрочемъ, какъ и наканунѣ, пронзительно гудѣлъ вѣтеръ и неумолимо сгонялъ облака въ стальную тучу. Уличныя торговки спрятались въ подворотняхъ. Въ рѣдкихъ фонаряхъ пламя металось подъ стекломъ и окончательно перестало освѣщать притаившійся городъ. Колеблющійся, дрожащій свѣтъ отнималъ послѣднюю увѣренность и у тѣхъ, кто, крадучись, пробирался на станцію, и у тѣхъ, кто бодро продвигался въ саняхъ съ бубенцами. Позвякиваніе послѣднихъ вызывало жуткое ощущеніе безнадежности и печали, напоминая о невозвратимости, какъ пѣніе на похоронахъ.

У кассы, въ буфетѣ и на перронѣ старались быть развязными и веселыми.

Одна пара, скрывавшая свое волненіе въ нѣжности, но также проникнутая неизбѣжностью, была тиха и будто покорна своей участи.

Онъ стоялъ у ступеньки вагона, близко, точно прижался къ концу ея шубы. Она?.. Ее сбивали въ сторону чемоданами, задѣвали широкими плечами и окидывали злыми глазами проходившіе. Часто въ тѣ секунды, когда не смотрѣла на него, она сжимала

вѣки, сдерживая слезы густыми рѣсницами... Рядомъ зазвенѣло выбитое корзиной стекло и задребезжали вещи, брошенныя въ окно. Расплакался ребенокъ, котораго втискивали въ раму съ осколками.

— Кина, не обращай вниманія! Важно то, что сейчасъ уйдетъ поѣздъ. Помни обо всемъ, что я просилъ. Не потеряй вещей.

— Хорошо. Да... Неужали сейчасъ?

Протянула руку.

— Андрей, умоляю тебя, если, дѣйствительно, опасно, не медли и выѣзжай ко мнѣ. Я буду ждать! Ты знаешь. Какъ страшно... —

— Милая, не бойся! Конечно пріѣду. Мнѣ еще тяжелѣе. Пиши каждый день, Ксенія.

Паровозъ дернулъ, качнулись вагоны; колеса оторвались отъ рельсъ, оторвали ѣдущихъ отъ твердой почвы.

— Храни тебя Богъ. Береги образокъ, не забыла?

— Со мною, Андрей...

Словъ ея больше не слышно. Дымъ уже застилаетъ обликъ его, оставшагося на томъ же мѣстѣ. Ксенія стоитъ у распахнувшейся дверцы и долго вертитъ, вертитъ до боли, узкое кольцо на правой рукѣ.

Андрей поднимался къ себѣ почти наугадъ и ощупью вдоль знакомаго забора. Дома и улицы исчезли въ растелившемся непроницаемомъ и ѣдкомъ туманѣ. Опускаясь съ горъ на землю, мгла подмерзала на камняхъ. Невидимые люди карабкались

охая и возмущаясь, а внизъ безудержно катились, взвизгивая, судя по голосамъ женщины.

Задумавшись, Андрей миновалъ калитку, спохватился на углу. Дома, то-есть въ двухъ комнатахъ, которыя они занимали, лѣниво тлѣли угли въ печи. На столѣ остались неубранными чайныя чашки и остатки ѣды. Мебель, небрежно сдвинутая въ сторону, выдвинутые въ столѣ ящики, открытый шкафъ, просыпанная передъ зеркаломъ пудра и лепестки засушенныхъ розъ, выпавшіе, должно быть, изъ бѣлья, — напоминали о томъ, что здѣсь недавно собирались въ дорогу. Бросивъ фуражку на кресло, въ шинели, Андрей сѣлъ передъ письменнымъ столомъ, захлопнувъ торчащіе ящики и придвинувъ къ себѣ четырехугольную кожаную рамку. На фотографіи была изображена дѣвочка лѣтъ семи съ распущенными по плечамъ волосами, съ вопросительными, вдумчивыми глазами и съ увѣренно сложенными ручками.

— Ксенія, родная, дорогая дѣвочка! прошепталъ онъ. Зачѣмъ я отпустилъ тебя? Какъ ты близка мнѣ, вотъ такой маленькой женщиной, какъ на этой карточкѣ, моей любимой!

За стѣной послышалось сначала осторожное царапаніе, затѣмъ болѣе рѣшительное ворчаніе. Андрей всталъ и пріоткрылъ дверь. Появилась длинная лукавая мордочка и выгнутая спина черной таксы.

— Ну, иди, Джекъ, такъ и быть, — пущу: вѣдь тебя ласкала наша дѣвочка. Входи-же, песикъ, входи скорѣе — изъ передней дуетъ, а намъ и такъ не будетъ тепло сегодня.

1919, декабрь, числа не знаю.

Дорогой Андрей,

Ѣду сутки, но больше стоимъ. Отъѣхала недалеко отъ тебя, а, кажется, Богъ знаетъ куда попала. Если бы ты зналъ, какъ я жалѣю, что выѣхала. Страхъ и тоска не оставляютъ меня. Подробно напишу съ большой станціи. Крѣпко, крѣпко цѣлую.

Кина.

Не простудись. Одѣвайся потеплѣе и не ходи по горамъ. Помни, что ты недавно былъ боленъ. Обѣдай въ *нашемъ* ресторанѣ, я всегда съ тобой.

Мой дорогой Андрей, другъ мой.

Третій день не двигаемся съ узловой станціи; почти на полпути отъ М. Сколько еще простоимъ, — неизвѣстно. Хаосъ невообразимый. Всѣ пути забиты длинными санитарными поѣздами, летучками питательныхъ отрядовъ, эшалонами и вагонами со снаряженіемъ. Въ одномъ концѣ поѣзда выгружаютъ обмундированіе, а въ другомъ — его же грузятъ. Женщины бросаютъ и теряютъ вещи и забываютъ дѣтей. Грубы и раздражительны всѣ, начиная отъ начальника станціи, кончая солдатами въ теплушкѣ, гдѣ не умолкаютъ гармонія и разухабистыя пѣсни. Слухами, невѣроятными слухами полонъ сырой воздухъ. Говорятъ даже, что въ М. неладно. Это должно быть

преувеличенный вздоръ, но что Е. эвакуируется, — это ясно: достаточно увидѣть то, что творится здѣсь. Я нарочно такъ подробно пишу тебѣ.

Эвакуація. Помнишь, какъ я боялась ее? Я не ошиблась въ предчувствіи. Напрасно твой командиръ и докторъ смѣялись надо мною. Умоляю тебя, не дожидайся послѣдней минуты, — она близка. Выѣзжай! Ты имѣешь право: вѣдь твои раненія увольняютъ тебя отъ строя. Ты заслужилъ хотя маленькій отдыхъ отъ сраженій. Не сердись: я знаю. что ты не доволенъ, когда я вмѣшиваюсь въ эти дѣла.

Скажи, неужели можетъ случиться, что мы окажемся отрѣзанными другъ отъ друга? Передо мною сидитъ какой-то полковникъ и, увидавъ, что я надписываю конвертъ, онъ спросилъ: Собираетесь переписываться? Напрасная затѣя! Я четвертый мѣсяцъ не имѣю свѣдѣній о семьѣ, а вы еще съ дороги письма посылаете!

Я даже не разсердилась: мнѣ просто стало грустно и больно. Подумай: четвертый мѣсяцъ. Неужели это возможно и съ нами?Нѣтъ, мы слишкомъ любимъ, чтобы перенести такой ударъ!

Въ вагонѣ до того тѣсно и грязно, что я не въ состояніи выпить чаю, который мнѣ принесли. Отдѣленіе набито персами и армянами; они курятъ, не переставая, плюютъ или поютъ заунывныя пѣсни. Масса подушекъ и орущихъ дѣтей. Всѣ они направляются въ Константинополь. Плохой признакъ эта тяга инородцевъ на Востокъ. Смотри-же, не откла-

дывай пріѣзда, а пока пиши часто. Какъ будетъ радостно получить твои письма и узнать все, что ты думалъ безъ меня.

Люби свою Кину также нѣжно, какъ она любитъ тебя. *К.*

Рождество.

Послала тебѣ уже нѣсколько писемъ. Состояніе у меня отвратительное: десять дней, какъ мы разстались, а я ничего о тебѣ не знаю. Что же дальше будетъ? Какая безсмыслица моя поѣздка: сижу посрединѣ пути, не двигаясь впередъ и не имѣя возможности вернуться. Отчего ты скрывалъ отъ меня настоящее положеніе? Неужели никто не зналъ? Или начальство отъ васъ скрывало? Безумiемъ было посылать меня одну; какимъ легкомысліемъ было послушаться тебя! Пароходъ отмѣняютъ каждый день и даже нельзя приблизительно сказать, когда и какой пойдетъ, и я не имѣю представленія, когда двинусь дальше.

Горюю, что ты проводишь праздники безъ меня. У тебя, навѣрное, нѣтъ елки и ничего вкуснаго, ничего того, что напоминаетъ дѣтство и за что мы такъ любимъ этотъ праздникъ. А у меня нѣтъ даже своей комнаты. Какъ я здѣсь живу, — ты и вообразить не можешь. Ночую у твоего знакомаго, коменданта станціи: онъ уходитъ спать къ товарищу. День провожу на пристани въ ожиданіи парохода или сообщенія, когда онъ пойдетъ. Дождь не перестаетъ ни на одинъ

день. Подъ дождемъ бѣгаю на вокзалъ за кипяткомъ. Цѣны на все ужасающія. На вокзалѣ лежатъ и спятъ во всѣхъ проходахъ больные и здоровые. Приходящіе поѣзда прибавляютъ бездомныхъ и обездоленныхъ. Участь бѣженцевъ незавидная, но и моя жалка.

Не пріими мое письмо какъ упрекъ, а пойми его какъ страданье. Я одна, я безъ тебя! Я съ удовольствіемъ жила - бы на вокзалѣ, только - бы быть вмѣстѣ! Тогда я готова все перенести. Цѣнна — одна любовь. Я не хочу задумываться надъ тѣмъ, что происходитъ внѣ моей души, и надъ тѣмъ, что происходитъ тамъ, откуда отступаютъ одни и куда наступаютъ другіе. Я сознаюсь тебѣ въ этомъ. Тягость разлуки владѣетъ моими мыслями и рѣдко вытѣсняетъ ее другая, не менѣе ужасная — неизвѣстность! Отчего ты не оставилъ меня съ собою?!. Въ случаѣ надобности и я могла - бы быть съ вами, въ походѣ. Я знаю изъ - за чего ты остался. Быть можетъ, — ты правъ, считая, что исполняешь свой долгъ, но ты забылъ о другомъ. Онъ не меньше. О значеніи его и ты узнаешь. Но — довольно. Жду. Хочу вѣрить въ удачу, въ счастье! Думай о встрѣчѣ. Поздравляю съ праздниками, обнимаю.

Ксенія

Третьяго дня было мое рожденіе. Мнѣ никто ничего не подарилъ! К.

Канунъ Новаго Года. Каютъ-Компанія парохода *«Витязь»*.

Дорогой Андрей,

Насъ посадили въ сумерки. Снимемся завтра утромъ. Пока стоимъ на рейдѣ. Сестра милосердія, которая попала къ намъ по ошибкѣ, сойдетъ на берегъ и обѣщаетъ отправить тебѣ это письмо.

Собственно говоря, уже насталъ Новый Годъ: сейчасъ второй часъ. Желаю. чтобы въ будущемъ намъ жилось такъ, какъ мы мечтали (помнишь?), но какъ, въ сущности, намъ не удалось прожить ни одного дня. Большаго я не хочу! Какъ проводишь ты сегодняшнюю ночь? Досадно, что у меня нѣтъ способности видѣть на разстояніи.

Разскажу тебѣ, что дѣлается вокругъ меня. Душно, несмотря на то, что иллюминаторы открыты и воздухъ морозенъ. Усталость, волненіе и вино за ужиномъ утомили пассажировъ, то - есть бѣженцевъ. Спятъ не только на собственныхъ чемоданахъ, но и, сидя, на стульяхъ. Нѣкоторые, не устроившіеся ни здѣсь, ни въ трюмѣ, бродятъ сверху внизъ и ищутъ сочувствующаго взгляда. На концѣ стола играютъ въ бриджъ. У піанино — офицеръ. Говорятъ, что онъ контуженъ въ голову, но играетъ онъ чудесно, особенно когда импровизируетъ. Молодежь, опустошающая бутылку за бутылкой, пристаетъ къ музыканту съ просьбой перемѣнить репертуаръ. Но фальшивой безпечальностью звучатъ различныя «Мичманы Джонсы» и «Пара голубенькихъ глазъ».

Должна была оборвать письмо: поднялась суета, прибѣгали за докторомъ. Въ трюмѣ кто-то умираетъ и у кого-то начинается сыпной тифъ.

— «Корабль смерти», не-правда ли? — сказалъ гусаръ, подошедшій ко мнѣ со стаканомъ краснаго вина, и продолжалъ.

— Во второмъ трюмѣ три гроба. Въ полночь въ каютѣ третьяго класса умерла дама. Навѣрное и мы заразимся. Отчего вы такъ не веселы? Все пишете? Не стоитъ, пропустите жизнь. Напрасно отказываетесь отъ вина: безъ него нельзя начинать Новый Годъ, — болталъ гусаръ.

— Это кровь, а не вино, — отвѣтила я, вставая.

— Кровь нашихъ душъ, послышалось мнѣ въ догонку. Не знаю, кто сказалъ: нетрезвый собесѣдникъ мой, или голосъ какого-то невидимаго.

На палубѣ вѣтеръ хлесталъ лица спящихъ колючимъ снѣгомъ. Измученные люди не поднимали даже головы и, точно неживые, лежали около остатковъ своего имущества. Городъ утопалъ въ темнотѣ. Ночь сковала портъ. Одни лишь иностранныя суда, слѣпящей сигнализаціей, энергично дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями дня.

Спускаясь обратно въ каютъ-компанію, я столкнулась съ двумя фигурами.

— Ухъ, какой холодъ; лучше было оставаться внизу. Еще простудимся. — бормоталъ мужской голосъ.

— Я не согласна вернуться, — нервно отвѣчала женщина. — Не въ силахъ я дольше сидѣть въ трюмѣ

среди тифозныхъ и, быть можетъ, уже мертвыхъ. Въ темнотѣ и тѣснотѣ нельзя даже увидѣть, какъ отъ людей уходитъ жизнь. —

Сколько отчаянія, а мы еще не успѣли выйти въ море. Корабль смерти! Что, если и я заболѣю?! Въ пути меня спишутъ на берегъ вмѣстѣ съ другими больными и оставятъ въ какомъ нибудь госпиталѣ. Ты даже не будешь знать, что я умерла! Я - бы предпочла, чтобы меня бросили въ море: все - таки лучше, чѣмъ если повезутъ хоронить изъ грязной больницы.

Я иду въ неизвѣстность. Неужели погибну. Не могу больше писать. Дай мнѣ руку.

Твоя Кина.

Кавказъ, 25 января.

Родная Киночка, дорогая моя,

Хочу наскоро написать тебѣ нѣсколько словъ— сколько успѣю: черезъ часъ уѣзжаетъ знакомый. Ты уже знаешь изъ моихъ подробныхъ писемъ (послалъ ихъ не менѣе десяти), какъ мнѣ живется; точнѣе, какъ я безъ тебя прозябаю. Ты теперь знаешь и понимаешь, что уѣхать невозможно: не отпускаютъ. Уѣзжаютъ только калѣки. Потерпимъ еще немного, а послѣ уже не разстанемся ни на одинъ день. Безпокоюсь, не получая отъ тебя вѣстей: послѣдняя отъ 31-го декабря изъ Н. Какъ больно и

тяжело было читать о твоихъ мытарствахъ, но объ этомъ я уже говорилъ тебя въ предъидущихъ письмахъ.

Кромѣ службы, нигдѣ не бываю. Сижу въ своей норѣ, уткнувъ носъ въ книгу или въ подушку. Напало состояніе безнадежной лѣни: не хочется ни двигаться, ни говорить, ни думать. Только твои письма выводили меня изъ этого настроенія, но вотъ уже двадцатый день, какъ я ихъ лишенъ. Стараюсь не думать, что это плохой признакъ въ смыслѣ событій, успокаиваю себя тѣмъ, что это происходитъ на почвѣ безпорядокъ, а съ оказіями ты писать не любишь. Перечитываю по нѣсколько разъ полученныя отъ тебя страницы въ ожиданіи новыхъ. Ты, вѣроятно, успѣла устроиться и, наконецъ, отдохнуть? Какъ должно быть хорошо и свѣтло у моря! Отчего мы не смотримъ на него вмѣстѣ? Не могу забыть твоихъ печальныхъ глазъ въ день отъѣзда и все чаще вижу твое лицо по ночамъ. Помни, что жизни безъ тебя не мыслю. Пиши каждый день. Безмѣрно тоскую отъ одиночества. Скажи-же, скоро ли увидимся? Да, вѣдь скоро? Береги себя для нашего счастья.

Твой Андрей.

27-е февраля.

Мой далекій, но всегда близкій, дорогой Андрей.

Твое единственное письмо шло ко мнѣ цѣлый мѣсяцъ: получила его сегодня. Два мѣсяца прошло со дня нашей разлуки. Сегодняшнія твои немногія

слова — вотъ все, что приближаетъ насъ, отдаленныхъ безпредѣльнымъ пространствомъ. Неужели и мои письма погибаютъ въ пасти почтоваго ящика, или въ рукахъ разныхъ людей, полныхъ добрыми намѣреніями отправить письмо съ полпути или доставить лично, разыскать? Все это — не оправдывающіяся надежды, область предположеній или безцѣльныхъ разсчетовъ. Я обрадовалась и расплакалась, когда получила измятый и грязный конвертъ съ твоимъ почеркомъ. Число на штемпелѣ меня пугаетъ: живъ ли ты теперь? Иногда я думаю, что мы никогда не увидимся. Затѣвается что-то страшное. Пишу тебѣ сейчасъ наудачу, потому-что хочется отвѣтить и хочется облегчить свое горе, разсказавъ тебѣ о немъ.

Разговоры о томъ, что дѣлается у васъ, у тебя, различны. Опасаются, что скоро начнется нѣчто, что еще болѣе отдалитъ мѣстности, гдѣ мы находимся. Тогда томленіе мое и оторванность замѣнится настоящей и, кажется, недалекой пропастью.

Я живу, какъ сомнамбула. Существую въ силу необходимости: не замѣчаю сегодняшняго дня, жду завтрашняго, вѣря, что каждое новое утро принесетъ мнѣ, наконецъ, избавленіе и что я оживу, что вернется счастье. Но такихъ з а в т р а прошло безслѣдно уже очень много и еще больше тягостныхъ в ч е р а я хороню по ночамъ.

Я ничего не предпринимаю въ ожиданіи тебя, точно въ глину погрузилась. Условія жизни и здѣсь ухудшаются съ каждымъ днемъ: холодъ, го-

лодъ и сводящая съ ума тѣснота. Постепенно отвыкаютъ отъ привычки къ пространству, къ свободѣ, какъ птицы въ клѣткахъ, но тоскуютъ о нихъ безпредѣльно. Послѣднія военныя пораженія прислали сюда массу обездоленнаго народа. Городъ до того переполненъ, что правительство и союзники отсылаютъ одинокихъ женщинъ и безпомощныя семьи заграницу. Меня убѣждаютъ вырваться отсюда. Я колебалась, но сегодня пришло твое письмо... ты любишь, ты ждешь. Возможно будетъ наладить переписку — и я терпѣливо буду ждать встрѣчи.

Ты говоришь — «Не мыслю жизни безъ тебя». Я останусь здѣсь. Буду еще переносить лишенія и томиться въ отчаяніи. Буду еще спать на диванѣ, въ чужой гостинной, слушать жалобы на плохой обѣдъ въ казенной столовой, буду глотать хлѣбъ, принесенный изъ очереди, кружиться въ паникѣ разговоровъ и видѣть слезы заброшенныхъ сюда. Невѣрнымъ голосомъ приходится утѣшать страшащихся своего вынужденнаго отъѣзда изъ Россіи. Впереди — неразгаданная даль. Мученія, умственныя и душевныя, становятся физической болью, острой какъ игла, и никого близкаго, никого своего — при этомъ постепенномъ, ежедневномъ умираніи сердца.

Какъ парусъ, отнесенный вдаль неожиданнымъ шкваломъ, такъ отдаляется отъ меня твой образъ. Ты сталъ для меня почти безтѣлеснымъ призракомъ и я даже не знаю, какъ сказать тебѣ: цѣлую и люблю.

Хочу, чтобы, несмотря на разстояніе, тебѣ-бы передался огонь моей мысли.

Самообманнымъ утѣшеніемъ кажется мнѣ слово *до свиданія*, но *прощай* я, все-таки, не скажу.

Кина.

Марта, 20-го.

Дорогой Андрей,

Къ безвѣстію привыкаютъ, внѣшне —по крайней мѣрѣ, также какъ къ темной комнатѣ. Быть можетъ, ты счастливѣе меня и къ тебѣ попадаютъ мои посланія. Вчера мнѣ съ увѣренностью сказали, что твоя часть отступила къ границамъ Персіи, откуда теперь отправлена въ Б. Какой-то любезный неизвѣстный хочетъ пробраться въ Б. и берется доставить тебѣ письмо. Попытаюсь еще разъ. Между нами уже выросла колючая стѣна.

Конечно, я прежняя. Нѣтъ: еще страшнѣе тоска, еще сильнѣе больно, стонъ отъ этой боли не даетъ притупиться жизненнымъ началамъ и удерживаетъ меня отъ покорности буднямъ. Быть можетъ вообще мы, женщины, несчастныя, слабыя существа, чрезмѣрно убивающіяся надъ своими страданіями? и болѣе, чѣмъ того требуютъ сами страданія? Для нѣкоторыхъ они сомнительны. Но страданія эти, какими-бы личными они ни были, возвышаютъ насъ: въ нихъ наше спасеніе. Современныхъ женщинъ упрекаютъ въ томъ, что онѣ борятся не во имя нрав-

ственности и добродѣтелей, а лишь съ безчисленными трудностями существованія. Да, это не достаточно возвышенно, но не менѣе опасно. Оторванныя отъ дома, семьи и любимыхъ, мы вынуждены заботиться о фунтѣ сахара, о дешевомъ обѣдѣ и волноваться отдаленностью своихъ близкихъ.

Публицисты и фельетонисты негодуютъ, что сейчасъ, когда событіями рушится ходъ исторіи, философскія теоріи и опрокидываются устарѣвшія воззрѣнія, — женщины, будто бы, считаютъ, что это не ихъ сфера и предаются нѣжнымъ чувствительностямъ сердца.

Это не такъ. Углубляются чувства и женщина сопротивляется во имя неугасающей любви.

Мое бѣдное сердце любитъ, какъ умѣетъ: вкривь и вкось, не надо этимъ возмущаться; значитъ, оно такъ устроено. У меня нѣтъ хранителя, остался одинъ вожатый — мое сердце.

Письмо мое покажется тебѣ отвлеченнымъ? Но я просто не въ состояніи описывать исторійки, сведенныя къ повседневнымъ заботамъ и къ каменному однообразію. Хочу, чтобы мое теперешнее состояніе, перемѣна во мнѣ, хотя немного заполнили увеличивающуюся между нами пропасть.

Скажи, можно-ли легко забыть, отвыкнуть? Нѣтъ, нѣтъ: единая, подлинная близость — связь душевная — не дастъ восторжествовать забвенію!

Ксенія.

P. S.

Твоя двоюродная сестра, Лиза, вчера уѣхала на миноносцѣ съ англійскимъ офицеромъ, своимъ женихомъ. Мужъ ея поѣхалъ проводить ихъ до К. въ качествѣ охраны, чтобы будущій мужъ не обидѣлъ по дорогѣ!

Не удивляйся: теперь такъ: — или шаржъ, или трагедія, все въ преувеличеніи!

19-е апрѣля.

Дорогой Андрей,

Возможно, что это письмо, какъ и предыдущія, не дойдетъ до тебя. Чувствую, что это такъ и, вѣроятно, въ этотъ разъ не буду даже пытаться посылать его. Но бесѣда съ тобою мнѣ необходима. Иначе я обречена или слушать свой тайный голосъ, или молчать. Особенно мучительно томиться духомъ здѣсь, гдѣ призывна и радостна природа. Жизнь или, вѣрнѣе, существованіе тѣхъ, кто вертится на неостанавливающейся каруселя, заведенной какимъ-то мистификаторомъ — жизнь эта прѣсна. Лишь вода въ морѣ соленая, но она еще и горька. Но развѣ можно не вѣрить въ радость и бодрость, развѣ можно не желать счастья въ такія утра, какъ сегодня?.

Террасса увита бѣлыми и фіолетовыми глициніями. Солнце растворяетъ ихъ сладостный ароматъ; едва уловимымъ вливается въ него запахъ кар-

миновыхъ и янтарно-желтыхъ розъ. Сквозь густую канву пряной кипарисовой зелени пробивается острое дуновеніе моря. Тишина ненарушима. Въ прозрачномъ воздухѣ отчетливы увѣренныя очертанія горъ, деревьевъ и домовъ. Они точно хотятъ убѣдить васъ въ своемъ постоянствѣ и прочности. Начинаешь думать и почти вѣришь, что на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ неизмѣнной безпечальности и покоя здѣшнихъ мгновеній. Мною овладѣваетъ сила жизни.

Охваченная отчаяніемъ, полная страхомъ или наслаждающаяся тревожнымъ ожиданіемъ, — я снова тянусь впередъ. Я стремлюсь къ будущему. Ахъ, совсѣмъ не вихрь меня гонитъ, а ведетъ желаніе жить. Я не вѣрю, я заставляю себя не вѣрить моей ясновидящей душѣ, подкошенной печалью. Она тянетъ меня въ сторону отъ обмана, упрекаетъ за довѣрчивость и возстаетъ противъ любви. Я полна предчувствій. Страшны ихъ предсказанія.

Ксенія.

13-е мая, на берегу того же моря.

Съ письмами кончено: некому и некуда писать. Однако, надо перебороть отчаяніе и разобраться по порядку. Впрочемъ, какой можетъ быть порядокъ въ томъ, въ чемъ нѣтъ ни логики, ни смысла, въ томъ, что также случайно и грубо, какъ почти все окружающее насъ.

Мое томленіе въ послѣдніе дни достигло высшаго напряженія. Я съ утра уходила на пристань, не столько слѣдить за уходящими кораблями, сколько надѣясь встрѣтить желанный. Сегодня я вышла изъ дома, торопясь, и очень рано, точно кто-то толкнулъ меня. Усталая отъ ходьбы и истомленная мыслями, я сидѣла на берегу на гнилыхъ остаткахъ скамьи. Вблизи качались рыбачьи лодки, дальше кувыркались дельфины. На горизонтѣ исчезали, какъ точки, корабли: будто таяли. Неожиданно меня назвали по имени. Я нарочно останавливаюсь на подробностяхъ, на мелочахъ, потому что хочу отдалить самое важное — правду. Я боюсь этихъ словъ подтвержденія, доказательствъ свершившагося. Мнѣ даже кажется, что когда я запишу все, тогда за мною навсегда захлопнется тяжелая дверь. Я рѣшаюсь.

— Андрей уѣхалъ еще два мѣсяца тому назадъ въ Америку съ какими-то музыкантами. — Собирается пѣть, выступать съ русскими и цыганскими пѣснями — сказалъ мнѣ мало знакомый офицеръ, узнавшій меня сегодня утромъ.

Оказывается, Андрей не получалъ моихъ писемъ. Ему сообщили, что я отправлена въ числѣ другихъ семей военныхъ за-границу, что я собиралась съ кѣмъ-то въ Парижъ. Андрей былъ опасно боленъ и уѣхалъ не оправившимся и упавшимъ духомъ. Власти предоставили всѣмъ больнымъ и раненымъ офицерамъ устраиваться, какъ кто можетъ. Въ тѣ минуты на томъ фронтѣ положеніе было

очень запутано и не менѣе, чѣмъ на нашемъ, неудачно: уходъ главнокомандующаго и неизвѣстность. Андрей былъ сдавленъ съ одной стороны безвыходностью, съ другой — неожиданными свѣдѣніями обо мнѣ.

— Онъ думалъ, что вы рѣшили поступать совершенно самостоятельно, оставивъ его, — приводилъ мнѣ отрывки разговоровъ съ Андреемъ его пріятель.

Боже мой, какъ мужчины мало знаютъ. Но отчего мы, женщины, такъ мало можемъ?.

Я металась весь день. Я безпомощна. Мнѣ холодно. Духъ могилы близь меня. Неужели ты умеръ? Какъ запутанъ мой путь... Что, если не найду выхода? Вѣдь силъ все меньше, а горя еще такъ много. Но развѣ конецъ горестей не въ моихъ рукахъ?

Хочу, чтобы ты вѣрилъ и ждалъ. Я жду, это тебѣ поможетъ? Пока я пишу, я стараюсь не вѣрить несчастью, мнѣ это удается, но стоитъ остановиться, какъ самообладаніе покидаетъ меня. Развѣ можно быть болѣе несчастной, развѣ можно выразить словами мою печаль? Да и не нужно: она такъ велика, что другіе все равно не поймутъ.

28-е мая.

Помню, что я совсѣмъ уже наклонилась надъ перилами мола. Ноги отдѣлились отъ земли. Стало больно и горячо всему тѣлу. Голова оставалась

холодной. Я ухватилась за желѣзо, чтобы удобнѣе было броситься внизъ.

— Барыня, погоди, съ ума сошла, что-ли?

Меня схватилъ за платье татаринъ. Изъ корзины, полной блестящихъ листьевъ и цвѣтовъ, потянуло вкрадчивымъ запахомъ отъ какихъ-то необычайныхъ бѣлыхъ лепестковъ.

— Назадъ не вернешься. Еще жить надо, — продолжалъ, улыбаясь, продавецъ ослѣпительныхъ душистыхъ цвѣтовъ.

Закатное солнце опускалось въ воду и на прощаніе разводило по небу и морю радужныя полосы. Властно разрѣзая волны, быстро уходилъ стальной миноносецъ. Съ подошедшаго къ пристани маленькаго парохода сходили шумные пріѣзжіе, смѣшиваясь съ толпой встрѣчавшихъ. Возгласы, улыбки, объятія. Уносились въ коляскахъ. Уходили, шли близко и тѣсно рядомъ. Едва владѣя собой, я сбѣжала по ступенькамъ внизъ, гдѣ никто не гуляетъ. Я плакала. Слезы мои, что оплакивали вы: оставшуюся на землѣ ненужную жизнь, или то, что ей помѣшали уйти?

5-е іюня, все тутъ-же.

Аквамариновое небо съ глубоко вкрапленными золотыми блесками застыло: звѣзды не мигаютъ, ихъ не слишкомъ много. Луна залила своимъ холоднымъ свѣтомъ садъ и террассу. Невольно отдаваясь какому-то безмолвному зову, я вышла. Не

чувствуя себя, не ощущая тѣла, я скользнула по ступенькамъ въ узкую улицу. Пока я шла къ морю, мнѣ на встрѣчу и обгоняя меня, попадались пары. Отрывки сказаннаго, взоры и движенія ихъ принимали въ этомъ проникновенномъ освѣщеніи особую значительность, — такъ казалось даже мнѣ, проходившей мимо.

Въ лунныя ночи всѣ кажутся влюбленными и всѣ думаютъ, что любятъ. Флюиды чувствъ и ощущеній наполняли неподвижный воздухъ.

Вверху — все то же спокойное и безразличное небо. Внизу — прибой добрасывалъ пѣну до меня. Сердито шумѣли волны, набѣгая, и тихо, когда уходили, шептали мнѣ (я увѣрена, что мнѣ, вѣдь я такъ одинока!): придетъ и твой вечеръ.

Сердце билось, просто стучало, когда я шла назадъ. Сердце хотѣло вырваться. Я почти держала его, я боялась, что оно упадетъ. Если я его потеряю, ты никогда его не найдешь.

Охваченная нѣжностью и страстью, я бѣжала по таинственнымъ улицамъ вдоль притаившихся садовъ. Неужели ты не слышишь, какъ я люблю?

На углу, въ ресторанѣ, звѣнѣли струны. Плѣнителенъ вальсъ. Я пріостановилась. Вышелъ кто-то, должно быть, послѣ веселаго ужина.

— Поздній часъ для прогулокъ. Позвольте васъ проводить, сударыня?

Т а м ъ вѣдь ничего не понимаютъ: т а м ъ душа пляшетъ модный танецъ на столѣ.

Я быстро вернулась къ себѣ. Въ саду царствуетъ ночная феерія. Какъ торжественна и свѣтла луна. Душисты кипарисы. Въ такія ночи сладостно возвращаться вмѣстѣ, вдвоемъ...

15-е іюля.

Мои попытки и хлопоты выѣхать отсюда за-границу, чтобы искать Андрея,пока ни къ чему неприводятъ. Денегъ у меня совсѣмъ нѣтъ: существую на то, что получаю за проданныя вещи, послѣднія: мѣха, платья и даже книги. Теперь всѣ бывшіе, приличные люди такъ живутъ здѣсь: продаютъ, чтобы обѣдать, то, что другіе покупаютъ изъ прихоти. Покупаютъ тѣ, кто раньше презиралъ эти наши роскошества и излишества, но кто теперь не видитъ имъ предѣла.

Вотъ это и есть вращеніе земли вокругъ своей оси, оси изъ людскихъ тѣлъ. Свѣтъ перевернулся, это выраженіе, дѣйствительно, примѣнимо къ современному обществу, къ остаткамъ его. Стонутъ, что нѣтъ настоящей жизни, но на самомъ дѣлѣ не дѣлаютъ ни одного усилія и ни одного жеста, чтобы сбросить свои путы. Любятъ теребить воспоминанія вчерашняго дня, какъ надушенный платочекъ юношескаго увлеченія. Иногда, очень, очень рѣдко, заикнутся о завтрашнемъ днѣ, а пока, страшась его, живутъ унылымъ, хотя и суетливымъ, сегодняшнимъ. Будто поспѣшно пишутъ черновикъ, надѣясь, что завтра перепишутъ его и заживутъ набѣло.

Настанетъ-же утро и кончится прозябаніе, а тѣмъ временемъ проживемъ начерно, — думаютъ они. Радостей больше ужъ нѣтъ, остались однѣ иллюзіи: какъ шевелящійся экранъ, они смѣнили движеніе жизни. Нѣтъ страстныхъ объятій, — вмѣсто нихъ усталыя прикосновенія.

Но какое мнѣ до всего этого дѣло? Я эгоистка: я думаю о себѣ, и — о немъ, о немъ.

17-ое іюля.

Въ ресторанѣ столики сдвинуты тѣсно, еще ближе касаются колѣни случайныхъ сосѣдей. Не горятъ зрачки, а вспыхиваютъ щеки отъ спирта. Утомлены, опьянены головы, но не волнуются сердца. Вино не обжигаетъ, но только иногда согрѣваетъ холодныя уста.

Вчера моя тетка, княгиня Б., праздновала день своего рожденія. Ея мужъ служитъ въ комиссіонномъ магазинѣ, у какого-то купца, недавняго приказчика. Княгининъ праздникъ устраивалъ, что выяснилось впослѣдствіи, «хозяинъ». Тетка потащила меня на этотъ ужинъ. Купецъ громко, на всю небольшую залу, безпрестанно обращался къ моимъ родственникамъ, титулуя ихъ безъ надобности, часто даже не доканчивая начатаго обращенія: это для представительства и считается шикарнымъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Кромѣ того, тоже изъ шика, у владѣльца комиссіоннаго магазина имѣется при его особѣ молодой баронъ С., безъ опре-

дѣленнаго дѣла, больше на посылкахъ и для сопровожденія въ рестораны. Баронъ еще не утратилъ своей декоративности, однако потерялъ всѣ иныя достоинства, включая и собственное.

Подъ конецъ ужина, тетка посылала кого-то за коляской, баронъ кидался во всѣ стороны, принося цвѣты для нея и для меня. «Хозяинъ»-то требовалъ гитару и хоръ, то вступалъ въ пререканія съ ближайшимъ столикомъ, за которымъ сидѣли, когда-то знаменитые, московскіе фабриканты братья Стахѣевы. Младшій, никогда не отрезвлявшійся, кричалъ даже для этого кабака черезчуръ громко, обращаясь къ патрону моихъ родственниковъ:

— Покупай, что-ли, десять тысячъ аршинъ полотна будущей выдѣлки: дойдемъ же когда нибудь до Москвы! Пока давай хоть полъ-лимона, а то нечѣмъ платить за ужинъ. Меня и такъ десять дней кормятъ въ кредитъ.

«Полъ-лимона» обозначаетъ полмилліона, это модное словечко. Нынче и деньги утратили значеніе, хотя и сохранили еще свою силу.

Купецъ изъ комиссіоннаго магазина рѣшилъ поддержать бывшую фирму и снисходительно передалъ просимое черезъ плечо моей тетки.

— Спасибо. У меня ужъ ничего не осталось для продажи: вчера продалъ послѣднее достояніе — золотые зубы за сто тысячъ. Да каналья дантистъ десять тысячъ за работу взялъ, смѣясь разсказывалъ младшій Стахѣевъ, обрадованный щедростью своего новаго друга.

Я незамѣтно встала изъ-за стола. У выхода меня догналъ баронъ С.

— Куда вы? Я васъ отвезу, погодите. Хотѣлось поговорить съ вами. Вы такая — настоящая. Вернемся, послано за музыкантами.

Баронъ подошелъ ко мнѣ черезчуръ близко.

— Полно, баронъ. Я не ношу шоръ.

— Я не могу позволить, чтобы дама оставалась ночью одна на улицѣ. Я васъ провожу.

— Не надо. Развѣ вы не находите, что это такой же предразсудокъ, какъ и всѣ тѣ принципы и традиціи, которые вы теперь для самооправданія презираете. Или это, какъ рюмка водки, — для бодрости? Прощайте баронъ.

Зачѣмъ я говорила съ нимъ? Вѣдь во мнѣ еще не угасъ духъ жизни.

28-ое.

Море рокочетъ день и ночь. Волны захлестываютъ набережную. Небо пепельное и низкое. Облака угрожающе сливаются съ моремъ, точно предвѣщаютъ конецъ. Конецъ чего? Міра? Одинъ уже кончился.

Августъ 17-ое.

Капитанъ частнаго парохода на мою просьбу довезти меня хотя бы въ трюмѣ до Константинополя, съ улыбкой отвѣтилъ, что готовъ везти меня въ своей каютѣ, что это совсѣмъ не важно, есть ли у

меня деньги, или нѣтъ и что такой женщинѣ нечего здѣсь сидѣть, а надо ѣхать за-границу.

Ты понимаешь, что я осталась? Придется еще терпѣть жизнь въ этомъ сумасшедшемъ домѣ, какимъ сдѣлался нашъ полуостровъ.

— Гдѣ же ты Андрей?

Я уѣду. Я приду къ тебѣ. Я почему-то увѣрена, что ты не въ Америкѣ, ты ближе.

Я около тебя, ты это видишь? Знаешь ли ты, сколько прошло со дня нашего разставанія: почти восемь мѣсяцевъ.

Конецъ Сентября.

Устроилась: черезъ три дня меня везутъ. Прозрачность осенняго воздуха, пьянящій запахъ мокрыхъ, покраснѣвшихъ, листьевъ вмѣстѣ съ головокружительностью моихъ мыслей и бодростью въ сердцѣ поднимаютъ меня высоко и уносятъ къ весеннимъ мечтамъ. Въ прозрачной ясности разлить такой же хмель, какъ весною въ солнечномъ небѣ. Во мнѣ горитъ весна. Я вѣрю, я снова люблю жизнь и попрежнему люблю тебя.

Мнѣ хотѣлось-бы заснуть на три дня, чтобы очнуться на кораблѣ, уже въ открытомъ морѣ; подальше отсюда и поближе т у д а.

Первый день на палубѣ.

Послѣдній свистокъ. Мы ждали его часа четыре. Пассажиры понемногу успокаиваются. Вещи на

мѣстахъ. Люди размѣстились по каютамъ; кое-кто не уходитъ съ палубы. Сходни сняты. Расходятся грузчики, отъѣзжаютъ коляски.

Подъ голубымъ и чистымъ, чуть холодноватымъ небомъ, прекрасны горы и городъ. Лѣса отливаютъ пестрой листвой, окрашенной кое-гдѣ будто ржавчиной, далѣе поднимаются темно-зеленыя сосны, еще выше — толпятся круглыя рощи въ листьяхъ цвѣта краснаго вина, а рядомъ сверкаетъ изумрудная зелень Между деревьями—просвѣты, между рощами—голые скалистые уступы. И надо всѣмъ, какъ на старинномъ ландшафтѣ, пробѣгаетъ солнце, играя свѣтомъ и тѣнями.

Застучало, задергало что-то внутри, посрединѣ парохода. Онъ, какъ будто повернулся вокругъ своего винта. Но вотъ поворотъ, еще одинъ — и судно выпрямилось, качнувъ пассажировъ и поднимаясь по неспокойнымъ волнамъ, брасающимся ему навстрѣчу и увѣренно разсѣкая ихъ, пошло впередъ.

Скрытное небо надъ нами и влекущее море кругомъ.

Рядомъ со мною незнакомые люди, чужія тайны, выданныя слезами на концахъ рѣсницъ или радостными и горестными улыбками. Какъ страшенъ ихъ нѣмой голосъ, какъ остры эти неощутимыя касанія. Мы всѣ невидимо связаны одними и тѣми же жизненными приключеніями, одинаковыми опасностями и различными успѣхами. Но какъ глубоко несхожи наши существа, такъ же, какъ

непохожи между собой прекрасное и уродливое лицо. Мы далеки другъ отъ друга, какъ невидимые берега.

Душа мое, не сердце, стучитъ. Что это? Вѣдь это не путешествіе, это всеобщее безудержное стремленіе въ даль. Эта не прежняя, свойственная многимъ жажда овладѣвать пространствомъ. Я вспоминаю, съ какимъ наслажденіемъ и легкостью покидали мы прежде налаженную, точно заведенную, систему нашего бытія; какъ легко разставались съ привычками и съ удобной обстановкой, оставляя разстояніе, отдѣляющее сожалѣнія отъ желанія. Въ нашей волѣ было вернуться. Какъ много было привлекательнаго въ самомъ передвиженіи и какъ сильно было сознаніе своихъ преимуществъ и своего кажущагося превосходства.

А теперь, сейчасъ? Говорятъ, что мы жертвы обстоятельствъ, что мы въ ихъ власти. Это звучитъ газетнымъ языкомъ.

Я иду къ цѣли и поэтому перестаю быть безпомощной, хотя и не знаю, что меня ждетъ. Но есть внутренній, высшій руководитель, замѣняющій Ангела-Хранителя; онъ знаетъ все: несчастья и восторги, чудеса и ужасы, насъ ожидающіе и насъ избавляющіе. Инстинктъ не обманываетъ. Не всегда нужно знать, надо чувствовать!

Тотъ же пароходъ, сутки спустя.

Послѣ долгой стоянки въ С., мы снялись къ почи, покидая русскія воды. Вмѣсто каюты съ удобной койкой, какъ бывало когда-то, меня ожи-

дало мѣсто во второмъ трюмѣ. Сонъ не могъ удержать меня на полу, на моихъ жесткихъ вещахъ, неудачно замѣнявшихъ постель. Крысы пробѣгали по ногамъ, взбираясь на тюки, сложенные въ углу.

Я вышла на палубу. Между небомъ и нами висѣла свѣтло-синяя мгла, она становилась все прозрачнѣе, принимая оттѣнки расплавленнаго сапфира, напоминая сказочный вымыселъ. Въ оторванности и въ этой пеленѣ, обволакивающей обычно видимое, реальное, было необъяснимое, волнующее очарованіе, почти физическое наслажденіе. Забытье увело куда-то на дно мои всегдашнія мысли, замѣнивъ ихъ новыми ощущеніями и переживаніями, не давая, однако, одного — желанія. Начиналось что-то помимо воли, затягивающее. Приближалась обманчивая, но влекущая даль. Минутами казалось, что печали ужъ нѣтъ, что начинается новое обѣщающее.

Постепенно небо стало перламутровымъ. Затѣмъ солнце бросило сверху свои золотистые лучи; блеснула поверхность моря.

Матросы мыли палубу. Струи воды врывались сверху, обдавая нижнюю палубу и заливая нечаянно оставленныя вещи. Судно чистилось и охорашивалось, какъ утка подъ дождемъ.

Новыя впечатлѣнія обладаютъ удивительной способностью отвлекать насъ отъ своего, значительнаго; они ведутъ за собою, правда, — до первой встряски или перерыва.

Когда мы очутились въ проливѣ, гдѣ сновали и шныряли фелюги и каики, когда уже оставалось очень мало до перехода къ новому и чужому міру, я вдругъ почувствовала, что возврата нѣтъ. Тамъ я больше не нужна, вѣдь я ушла? Неправда, я неразрывна съ моимъ отечествомъ, что бы ни произошло. Да развѣ это важно тому великому и огромному, съ чѣмъ мы безсознательно связаны на всю жизнь? Если мы на время и забываемъ о немъ, ущерба для чувства быть не можетъ. Но, чтобы оно любило насъ, нужно его обожать, какъ древніе обожали своихъ боговъ.

Сколько мыслей пробѣжало въ моей головѣ и сколько промелькнуло отрывковъ и рисунковъ передъ глазами въ тотъ вечеръ. Помню, какъ неожиданно приблизился и сталъ отлично виденъ, окруженный темнымъ небомъ, портъ, свѣтящійся, будто иллюминованный гирляндами безчисленныхъ фонариковъ, весь въ электрическихъ точкахъ. За ними выросталъ жуткій, невѣдомый городъ.

Черезъ мѣсяцъ.

Я ужасно устала въ тотъ вечеръ, безъ устали подавая чай съ кексомъ, шоколадъ и пирожныя, словомъ то, что обычно спрашиваютъ въ кафэ „Quelques Roses“, гдѣ я служу. Я собиралась уходить и свѣряла счета съ кассиршей, когда увидѣла, что вошелъ о н ъ, съ дамой. Они прошли близко, чуть не задѣвая меня. Я посторонилась къ двери,

въ уголъ. Она сказала ему — т ы , — отчетливое и короткое и такъ много значущее. Онъ смотрѣлъ на нее взглядомъ мужчины, не умѣющаго и не желающаго скрывать, что эта женщина — его любовница, что и сегодня ночью она снова будетъ принадлежать ему.

Я прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть и чтобы поддержать внутреннее равновѣсіе. Я не подошла къ нему, я не крикнула — Андрей, — нѣтъ!

Погодя, я набросала карандашемъ на обрывкѣ счета: «приходите сюда завтра утромъ, за этотъ же столикъ; получите вѣсти о вашей женѣ», и попросила свою сослуживицу, жену нашего морского офицера, подать ему вмѣстѣ съ заказаннымъ.

Возвращаясь къ себѣ, я быстро проходила по знакомымъ закоулкамъ Стамбула, минуя лотки со сладостями и апельсинами, не замѣчая живописныхъ продавцовъ, даже не слыша вечерняго шума, криковъ неугомонныхъ ночныхъ торговцевъ. Запыхалась, поднялась на самый верхъ винтовой лѣстницы, гдѣ помѣщалась моя комнатка.

Дождь особенно уныло стучалъ въ высокое окно. Я собрала неотосланныя въ Россію письма, листы изъ дневника и рано утромъ написала то, что записываю сейчасъ.

— «Андрей, поздно, но все-же ты узнаешь мою правду. Мнѣ пришлось увидѣть твою, но я не вѣрю ей и поэтому посылаю тебѣ эти письма, живыя части моего духа и тѣла. Ты не могъ дождаться меня, потому-что ты мужчина. Я не пишу словъ

«измѣна» и «вѣрность»; они мнѣ кажутся концептуальными. Мое, наше, — вѣдь гораздо больше. Я простила: это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что перечувствовано, и съ нашей прежней близостью.

Я не буду вполнѣ искренней, если скрою отъ тебя то, что я испытала сегодня ночью. Впервые я ощутила и почувствовала, что мнѣ нужна твоя близость. Я проснулась, меня это пугаетъ: Не осуждай меня, я не осудила тебя. Если понялъ и вѣришь — придешь ко мнѣ. Кина».

На другой день я слѣдила изъ нашей столовой, столовой служащихъ: едва разставили стулья, едва отодвинули задвижку въ дверяхъ, какъ Андрей вошелъ въ залу кафэ. Онъ порывисто разорвалъ бумагу и, едва заглянувъ въ мою послѣднюю записку, онъ буквально набросился на старыя письма. Читалъ онъ долго. Зала наполнялась завсегдатаями. Притаившись, я, украдкой, ловила движенія самого дорогого мнѣ человѣка, не открываясь въ томъ ни ему и ни кому другому.

Былъ мой свободный день. Служащія, дамы общества, (какъ опредѣляютъ въ Константинополѣ русскихъ кельнершъ), удивлялись, что я провожу здѣсь утро и изподтишка бросали мнѣ презрительныя усмѣшки. А онъ? Андрей и не подозрѣваетъ, что его Кина убираетъ стаканы и постоянно подвергается уличнымъ обидамъ. Я умышленно не упомянула въ письмѣ о томъ, гдѣ я служу: сожалѣнія или снисхожденія быть не должно. Не нужно, чтобы

онъ зналъ о моемъ униженіи, о моей усталости. Ты, быть можетъ никогда этого и не узнаешь, Андрей. Какимъ бы маленькимъ ни было наше самолюбіе, оно неизмѣримо больше мужского.

Онъ прочелъ, спросилъ бумагу и карандашъ. Я замѣтила, какъ онъ высморкался и смахнулъ слезу.

Я въ пятый разъ перечитываю его письмо.

— «Кина, ты чутка и поэтому не пришла. Ты права: я не дождался тебя, быть можетъ потому, что я мужчина, быть можетъ оттого, что считалъ, что я уже потерялъ тебя, что ты ушла. Но я не стану обвинять одни событія и обстоятельства, или оправдывать себя.

Я нарушилъ нашу физическую связь и не могу вернуться къ тебѣ. Власть надо мной близкой мнѣ женщины — сильна, и сейчасъ мое возвращеніе къ тебѣ будетъ оскорбительной ложью. Пойми, что пока мы отдаемся, пока насъ притягиваетъ женщина — мы всецѣло принадлежимъ одной ей. У меня уже нѣтъ самостоятельности. Но двоиться я также не могу.

Женщины могутъ со страстью отдаваться одному и всѣми помыслами принадлежать другому, тому кого любятъ или любили.

Ты дорога мнѣ. Твои письма полны тѣмъ, что лишній разъ убѣждаютъ меня, что я не долженъ искать нашей встрѣчи. Радость должна быть безмѣрной. Я вѣрю, что мы найдемъ другъ друга. Если нѣтъ — буду наказанъ я, недостойный. Поступай, какъ хо-

чешь, какъ нужно. Ты думаешь, что я безволенъ и ничтоженъ? только не говори, не скажи этого. Не считай, что я бѣгу.

Андрей».

Что это: самобичеваніе, или ложь? Я не хочу увидѣться теперь, я боюсь неправды, и новыхъ страданій и разочарованій. Вмѣстѣ, сейчасъ? Конечно, это возможно. Я видѣла его слезы, онѣ даютъ мнѣ силу не замѣчать его слабости. Я сожму вѣки, чтобы видѣть только, когда я захочу.

Я должна бѣжать отъ общей участи и итти навстрѣчу своей судьбѣ. Я кляну этотъ фантастическій, обманный городъ. Странствованія будущаго облегчатъ путь пройденный и сократятъ не длинную дорогу, открытую передо мной.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ ресторанѣ большого международнаго отеля только-что окончился обѣдъ. Сквозь неплотно сдвинутый тюль на низкихъ, широкихъ окнахъ пробивался синій, ранній вечеръ. Порою доносился шумъ улицы, готовящейся къ ночной жизни. Переполнявшая залу публика задвигала стульями, собираясь расходиться, вспомнивъ о театрахъ.

Двое, мужчина и женщина, успѣли раньше другихъ выйти въ вестибюль. Онъ пріостановился около подъемной машины, она покачала головой.

— Tu ne veux pas? Pourquoi? спросилъ онъ, примѣшивая яркій итальянскій акцентъ къ французской рѣчи.

— Я не люблю, вы знаете, этой тѣсной кабины, пропитанной запахомъ сигаръ, отвѣчала она, поднимаясь по ступенькамъ.

— А я люблю смотрѣть, какъ ты идешь по лѣстницѣ, отвѣчалъ онъ, догоняя ее и слѣдя за ея походкой.

Несмотря на свое итальянское произношеніе и такое же происхожденіе, наружностью онъ болѣе походилъ на англичанина: и рыжеватымъ отѣнкомъ волосъ и здоровымъ цвѣтомъ кожи и сложеніемъ.

Она, чуть ниже его, утомленная, шла, наклонивъ шею. Усталость виднѣлась и въ движеніяхъ и въ линіи покатыхъ плечъ. Мѣднаго отлива, слегка подкрашенные волосы, открывали розовое лицо и своеобразные синіе глаза, дававшіе выраженіе ея внѣшности, какъ бы опредѣляя ее.

Въ среднемъ этажѣ онъ открылъ дверь. Въ первой комнатѣ, освѣщенной небомъ и фонаремъ съ улицы, несмотря на распахнутыя окна и открытую дверь балкона, было душно.

Она прошла сначала на балконъ, затѣмъ, поморщившись на электричество, уже наполнившее комнату, прошла въ боковую дверь.

— Гвидо, умоляю, унесите цвѣты изъ моей комнаты. У меня болитъ голова, опять не буду спать, — просила она, показавшись на порогѣ.

— Si tu veux, если непремѣнно хочешь. Ты думаешь, что въ такую ночь обязательно спать? Развѣ тебѣ только цвѣты мѣшаютъ? Вставая, отбросивъ зажженную папиросу, говорилъ онъ, поцѣловавъ на ходу ея руку.

Въ синемъ платьѣ, цвѣта своихъ глазъ и полуденнаго моря, она вытянулась на кушеткѣ, зажмуривъ вѣки. Гвидо вернулся съ охапкой гвоздикъ и розъ и бросилъ ихъ, разсыпая по ковру.

— Кина, моя прекрасная, вѣдь здѣсь ты не спишь? Здѣсь ты со мною. Когда много цвѣтовъ — хорошо, лучше!

Она не открывала глазъ, не отвѣчала.

— Тебѣ непріятенъ свѣтъ, да? Его больше не будетъ.

Погасивъ люстру, Гвидо осторожно перенесъ Кину туда, гдѣ уже не было цвѣтовъ.

Послѣ, сжимая ея руку, цѣлуя изогнутый затылокъ, онъ тихо повторялъ:

— Какое счастье. Вѣдь мы счастливы, скажи? Отвѣчай же, заклинаю тебя, Кина.

— Мнѣ хорошо, прошептала Ксенія, радуясь, что темно, и что онъ не видитъ ея лица. Онъ думалъ, что наслаждается счастьемъ, а она знала, что только испытываетъ наслажденіе.

— Кина, я мечтаю, я жду, когда, наконецъ, мы уѣдемъ надолго — долго въ Италію, когда ты согласишься остаться со мною навсегда. Обѣщай. Я буду спокоенъ и совершенно счастливъ.

— А пока еще не совсѣмъ? Или, быть можетъ, счастья нѣтъ и ты только шутишь или ошибаешься, когда повторяешь это вотъ уже годъ, все время нашихъ скитаній?

Губы и зрачки ея улыбались, но было темно и онъ только слышалъ близкій голосъ, правда, безъ нѣжности, но страстный.

— Безконечно счастливъ, моя единственная радость, — отвѣчалъ онъ, снова обнимая ея остывшее тѣло.

Торжества чувственности не было. Кина долго не засыпала, рядомъ съ нимъ счастливымъ своимъ счастьемъ, то-есть утомленнымъ наслажденіемъ. Она, разбуженная ощущеніемъ, но не обманутая, думала о прошломъ. Забвенія не было, а безъ него не могло начаться новое, настоящее и большое.

Не дожидаясь утра, едва заглянулъ въ комнату разсвѣтъ, совсѣмъ одѣтая, Кина вышла на балконъ встрѣчать день. Внизу, кое-гдѣ еще мигали не погаснувшіе фонари и блѣднѣла запоздавшая звѣзда. Городъ дремалъ, окутанный предутренней дымкой

У подъѣзда гостинницы остановился автомобиль. Шоффѣръ усиленно нажималъ гудокъ, призывая прислугу. Кина нагнулась надъ перилами, разглядывая длинную американскую машину, походившую на игрушечнаго забавнаго звѣря. Изъ кареты быстро выпрыгнулъ нетерпѣливый путешественникъ.

— Неужели? Не можетъ быть? Успѣть-бы!

Въ мгновеніе очутилась въ комнатѣ, схватила попавшійся у выхода плащъ и, оставивъ незакрытой дверь, стремглавъ сбѣжала внизъ.

Столкнулись около конторки портье.

— Андрей... голосъ прервался...

— Нашли другъ друга! Кина, родная!

— Теперь скорѣе отсюда, назадъ — къ намъ.

Молча, не выпуская рукъ, вышли, пораженные случайно совершившимся и, между тѣмъ, такъ давно и долго жданнымъ.

Захлопнулась дверца моторнаго экипажа. Понеслись, впередъ, разрывая воздухъ, замыкая кругъ странствій и возвращаясь въ первый, неразрывный.

Крымъ, 1920 годъ.

ЧЕТЫРЕ СТѢНЫ.

Я оказался въ числѣ тѣхъ, кому удалось уйти изъ плавучаго дома для душевно больныхъ. На самомъ дѣлѣ я просто воспользовался замѣшательствомъ и темнотой и спрыгнулъ въ лодку, увозившую на берегъ съ нашего транспорта санитаровъ съ медикаментами. Я никуда не стремился, потому что мнѣ совершенно некуда было идти. Не имѣя въ виду ничего, кромѣ неизвѣстности и неопредѣленности, я не могъ больше оставаться тамъ.. Не могъ дольше выносить голода, пытокъ ожиданія, не въ силахъ былъ видѣть стада верблюдовъ, въ которыхъ насъ постепенно обращали. Но не стоитъ подробно описывать условія, въ какихъ мы находились, также и то, что мы переносили, потому что объ этомъ достаточно говорили и кажется даже возмущались въ газетахъ. Не стану еще и потому, что хочу писать лишь о себѣ. Запишу, чтобы лучше понять самого себя, чтобы осудить или оправдать. Въ моемъ распоряженіи всего два дня, а затѣмъ, кто знаетъ, буду ли я имѣть возможность не только писать, но даже думать, и сидѣть за столомъ?

Итакъ, первую ночь на землѣ я провелъ на пристани за стѣной угольнаго сарая. Сторожъ, турокъ,

довольно быстро разрѣшилъ мнѣ спать въ зонѣ своего вліянія. Утромъ, также какъ и въ предыдущія семнадцать, я не умывался и не одѣвался. Не думайте, что это вошло въ привычку, ничуть: это лишеніе обратилось въ хроническую болѣзнь, дававшую себя чувствовать порою особенно острыми приступами.

Я направился въ городъ. Повсюду бродили мои соотечественники, хранившіе отпечатокъ безсонныхъ ночей съ потемнѣвшими лицами, терявшими уже осмысленность. Въ узкихъ переулкахъ съ упорствомъ спирали вилась будничная жизнь, свернутая изъ пестрыхъ и сѣрыхъ лоскутьевъ. Трудъ, борьба и вспышки праздности и тайнаго вождѣленія по красотѣ и отдыху переплелись въ этомъ удручающемъ и удушливомъ городѣ, ожидающемъ своего пробужденія.

По вечерамъ, когда витрины и окна загорались электричествомъ, еще больнѣе давали о себѣ знать эти невысказанныя людскія мечты о маленькомъ, мѣщанскомъ праздникѣ. Я не мечталъ о празднествахъ, я думалъ о тихомъ домѣ, о покоѣ. Особенно не доставало его въ длинные сумерки, когда трамваи и автомобили развозили пресыщенныхъ по домамъ и когда меркли огни въ театрахъ и кино, когда улицы съ каждой минутой становились безлюднѣй и безлюднѣй... Я возненавидѣлъ дневную толпу, давившую меня точно обручемъ, но еще болѣе отверженнымъ я чувствовалъ себя ночью, когда некуда было уйти. Не было угла, гдѣ бы я могъ

задремать и уже нельзя было слоняться по тротуарамъ.

Въ общежитіяхъ, переполненныхъ здоровыми и больными, даже женщины валялись на полу, зачастую безъ подстилки. Я оказывался лишнимъ и здѣсь: я не записался во время, не успѣлъ. Иногда, однако, какой нибудь расчувствовавшійся сонный женскій голосъ милостиво разрѣшалъ — переночуйте сегодня. Я укладывался, сворачиваясь калачикомъ, по-собачьи и, само собою разумѣется, не раздѣваясь, положивъ голову на тюкъ чужихъ вещей. Однажды спалъ на чьихъ то диксіонерахъ.

Но рѣдко везло, то есть не часто удавалось перейти порогъ и попасть подъ крышу, въ относительное тепло. Чаще всего я спалъ на скамьѣ во дворѣ нашего госпиталя и подворотнѣ общежитія на ящикахъ изъ подъ американскихъ консервовъ. Случалось, что меня принимали въ свою каморку ночные сторожа этихъ зданій, такіе же люди безъ настоящаго, какъ и я, обломки прошлаго.

Но приходило утро и съ нимъ возвращались мои мученія. Сначала въ вереницѣ людей я спускался къ центру по узкимъ улицамъ и кривымъ ступенькамъ. Затѣмъ стоялъ въ очереди, чтобы раздобыть карточку на безплатный обѣдъ, чтобы получить пособіе или бѣлье. Обычно — безрезультатно. Постоянно рядомъ, среди или около людей, жалкихъ и печальныхъ и просящихъ, какъ я. Мои безчисленные, искаженные двойники стали отвратительны мнѣ, а себя я презиралъ.

Послѣ скуднаго, едва теплаго, обѣда, я подолгу сидѣлъ на камняхъ или бревнахъ во дворѣ столовой или въ палисадникѣ нашего консульства, стараясь превозмочь усталость. Сидѣлъ часами слегка покачиваясь, какъ котъ, задремавшій на солнцѣ. Снова меня окружали люди, по существу своему безконечно далекіе и непріятные, однако вынуждающіе меня и принужденные выносить нашу тягостную близость. Не только прикасались наши тѣла, но они чуть ли не навязывали мнѣ свои души, невольно заглядывая въ мою, хотя бы по одному тому, что теперь имъ не приходилось видѣть ничего другого.

Я не могъ поднять глазъ на небо, чтобы увидѣть солнце, чтобы насладиться его лучами и перенестить хотя бы на секунду въ другой міръ, слѣдя за бѣгущими облаками. Мнѣ мѣшали они, онъ, такой же обреченный, какъ я. Онъ точно стерегъ мое «хочу» и отравлялъ его, примѣшивая къ нему свое желаніе, возникшее лишь отъ слишкомъ тѣснаго общенія, отъ касанія. Я обезмыслѣлъ. Мало того — онъ, этотъ человѣкъ, передалъ мнѣ свои думы, полныя тоски и безнадежнаго ужаса, неотступно напоминавшія о свершившемся, о поглотившемъ насъ. Уйти, спрятаться, скрыться, зарыться въ норѣ. Но куда, къ кому? Гдѣ найти пріютъ, хотя бы уголъ, но свой. Крова не было, и никогда больше не будетъ. Только тогда, когда остановится дыханіе, но вѣдь и тогда будетъ нуженъ маленькій домъ. Я приговоренъ какимъ то неслыханнымъ закономъ влачить бродячее существованіе.

Такъ протянулъ я мѣсяцъ. Добрыя дамы и разныя благотворительныя учрежденія неизмѣнно увѣряли, что устроятъ черезъ недѣлю, или обѣщали дать отвѣтъ черезъ три дня. Несбыточныя обѣщанія и наивныя надежды о заработкѣ и комнатѣ разрушались всякій разъ и повсюду. Я лишній разъ убѣдился, что надеждамъ свыше предначертано оставаться неисполненными.

Холодная похлебка, консервы, теплый чай и прозябшіе люди съ застывшими мозгами, съ истерзанными, но еще горячими сердцами, — вотъ что окружало, давило меня.

Звенящій и громыхающій тамвай, щелканье бичей, раздававшіеся надъ самымъ ухомъ, подкрашенныя улыбки, пошлость перегонявшая неугомонныхъ прохожихъ въ уличной толчеѣ, — хлестали меня. Крикливыя радости однихъ и безсловесныя жалобы другихъ, тонули въ будняхъ города... Посрединѣ вертѣлся, какъ безостановочный волчокъ.

Порою я отдавался покорности. Иногда же, что-то возставало внутри меня и поднимало, какъ щепку на поверхность пруда, но ухватиться было не за что. Рѣдко, очень рѣдко мнѣ казалось, что я смогу выплыть изъ омута. Чаще всего я ждалъ нечаянной радости. Я почти бредилъ, что найду деньги, оброненныя неизвѣстнымъ богачемъ на улицѣ и тотчасъ же помчусь нанимать комнату и возстановлю свое бытіе. А пока бродилъ день и ночь, но никогда одинъ: всегда со своимъ близнецомъ, такимъ же потерявшимъ подобіе и сознаніе высшаго существа, какими

мы были прежде. У меня было теперь двѣ пары глазъ, двѣ пары ногъ, двѣ головы, нѣтъ, не двѣ, а нѣсколько, много. Я шагалъ съ *ними*, они рядомъ со мною, но душу мою они еще не успѣли отнять у меня. У меня еще остались свои затаенныя желанія, смѣлыя или ничтожныя, но свои собственныя. Ужаснѣе всего было то, что мозгъ начиналъ терять самостоятельность, искаженный мыслями безумца.

Однажды я проходилъ темной улицей, мимо ярко освѣщеннаго антикварія. Въ витринѣ на старинныхъ вышивкахъ и парчевыхъ тканяхъ были разложены замысловатые и цѣнные чубуки и трубки и болѣе простые изъ холоднаго полированнаго янтаря. Въ карманѣ моей истрепанной шинели валялся чубукъ слоновой кости, тонкой рѣзьбы, прихотливо изображавшей эротическую сцену. Кто знаетъ, какъ онъ уцѣлѣлъ во время моихъ злоключеній и скитаній? Быть можетъ потому, что его никто не хотѣлъ купить.

Я толкнулъ дверь лавки и вошелъ. Въ креслѣ, покрытомъ голубовато-блеклымъ персидскимъ ковромъ, сидѣлъ хозяинъ, погруженный въ чтеніе вечерней газеты.

Я показалъ свою вещицу. Сначала онъ какъ будто не разслышалъ. Затѣмъ, не спѣша, оправилъ очки и зашелъ за прилавокъ. Повертѣвъ чубукъ, небрежно спросилъ: Сколько? Я назвалъ скромную сумму. Усмѣхнувшись, онъ предложилъ мнѣ треть.

— Впрочемъ, замѣтилъ онъ, меня это и не слишкомъ интересуетъ, вы видите, сколько ихъ у меня.

Напримѣръ, вотъ эта, продолжалъ онъ, поднявъ стеклянную крышку прилавка и доставая трубку розоваго дерева.

Пока антикварій сравнивалъ изящество работы, высоко поднося вещи къ лампочкѣ, я разсматривалъ мелочи, блестѣвшія на зеленомъ бархатѣ. Въ ту минуту, когда мои глаза остановились на миніатюрѣ эпохи Возрожденія и на рядомъ сверкавшихъ грушевидныхъ брилліантовыхъ серьгахъ, изъ - за маленькой двери, завѣшанной ковромъ, окликнули хозяина и просунули подносъ съ чашечкой кофе. Старикъ отложилъ обѣ трубки и, повернувшись ко мнѣ спиной, не торопясь взялъ чашку. Я мгновенно схватилъ футляръ съ серьгами и сунулъ его въ карманъ.

Антикварій, отхлебнувъ турецкаго кофе, повторилъ, что больше предложеннаго дать мнѣ не можетъ. Я превосходно помню, какъ я отрицательно качнулъ головой и спокойно опустилъ свою трубку въ карманъ, хотя у меня звенѣло въ ушахъ и дрожали ноги и вышелъ.

Я бѣжалъ по липкой отъ грязи панели, вдыхая сгущенный воздухъ, не различая улицъ. Должно быть у меня былъ страшный видъ, потому что я слышалъ, какъ мнѣ бросали вслѣдъ:

— Вѣроятно онъ вырвался изъ сумашедшаго дома, несчастный больной.

Гдѣ - то вблизи пристани, я продалъ серьги толстому ювелиру за сорокъ лиръ, за ничтожную часть ихъ настоящей стоимости.

Я даже не искалъ пристанища на эту ночь, охваченный жаромъ возбужденія, гнавшимъ сонъ. Я впервые безропотно просидѣлъ длительную ночь въ саду на *моей* скамьѣ. Утромъ, во дворѣ общежитія, я не пытался попасть первымъ въ очередь за кипяткомъ. Едва дождавшись девяти часовъ, я направился въ городъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ предо мною безмолвно захлопывали двери. Въ другихъ — прислуга грубо ворчала. Мое истасканное платье и изможденное лицо повидимому не вызывало ничего, кромѣ отвращенія. Меня отталкивали, но больше унизить уже не могли.

Наконецъ, въ двѣнадцатомъ подъѣздѣ мнѣ оказали желанный пріемъ: рыхлая гречанка съ тремя золотыми зубами снисходительно разрѣшила подняться за нею. На скрипящихъ ступенькахъ внутренней деревянной лѣстницы она оглянулась, заявивъ, что дешевле, какъ за тридцать пять лиръ не сдастъ комнаты. Я молча согласился. Отлично помню изумленіе левантинской дамы, когда на ея вопросъ о моемъ переѣздѣ я заявилъ, что я уже переѣхалъ и тотчасъ ложусь спать, потому что очень усталъ.

Я опустилъ шторы и красныя, выцвѣтшія занавѣси, раздѣлся и бросился на кровать. Я вытягивался и изгибался, какъ козленокъ на лугу. Я старался отдалить сонъ, испытывая необычайное наслажденіе, достигая предѣла его. Когда чувствуешь и сознаешь, что ничто не можетъ сравниться съ ощущаемымъ, что выше этого желанія и исполненія его — быть не должно — развѣ не есть это подлинное наслажденіе?

Я проспалъ двое сутокъ: разбудила меня встре-

воженная хозяйка. Пришлось подняться. Впрочемъ, я не сожалѣлъ, вознагражденный удовольствіемъ, почти забытымъ, — я умылся и одѣлся. Послѣ вышелъ на улицу, но вышелъ, чтобы вернуться. Я отправился купить на оставшіеся деньги хлѣба, чаю и сахару.

Въ тотъ день я невозмутимо дожидался безплатнаго обѣда, не раздражаясь на толпу: вѣдь я зналъ, что вернусь къ себѣ, что я воленъ никого не видѣть. У меня своя комната, у меня дворецъ. Я король, возвеличенный случайностью, а они нищіе, застигнутые судьбой.

У меня была, у меня еще есть комната.

Послѣдующіе дни я проводилъ замкнувшись въ своихъ четырехъ стѣнахъ, предаваясь одиночеству. Я почти не ѣлъ, потому что иногда совсѣмъ не выходилъ изъ дома. Или же стремглавъ возвращался въ свой уголъ, едва успѣвъ проглотить остывшее кушанье.

Я часами, (отчего столь быстро текущими?) созерцалъ рисунокъ на стѣнкахъ, оклеенныхъ дешевыми, но безконечно дорогими мнѣ, обоями. Я изучилъ до малѣйшаго пятнышка, до тончайшей трещины свою комнату. Я восхищался ея убогими украшеніями, не замѣчая ея недостатковъ, какъ слѣпой любовникъ, смѣшивающій въ своемъ воображеніи уродливое пятно съ очаровательной родинкой. Я не отрывалъ глазъ отъ стѣнъ, я не отрывалъ взгляда отъ пола и изорваннаго коврика, точно находилъ въ нихъ притягивающую силу.

Въ своемъ забвеніи я совершенно не думалъ о томъ, какимъ путемъ досталась мнѣ эта радость. Третьяго дня я отчетливо вспомнилъ все. И быстро записываю, потому что мнѣ осталось всего два дня, нѣтъ меньше,—сорокъ три часа. А послѣ я снова очучусь безъ крыши, внѣ стѣнъ моей комнаты. Я жажду опасно заболѣть — быть можетъ тогда госпитальная карета отвезетъ меня подъ защиту четырехъ стѣнъ?

Я прерывалъ запись, отложивъ страницы. Я погасилъ свѣтъ и пролежалъ подъ одѣяломъ, обнимая еще мою постель, какъ страстно любимую возлюбленную. Я закрылъ голову, зажмурилъ глаза, чтобы искусственной темнотой создать длительность, чтобы обманомъ пріостановить бѣгъ времени. Я предавался блаженству, я до ужаса боялся очнуться.

Однако я снова принялся писать, потому что осталось мало короткихъ часовъ. Я не успѣю докончить, но какой вздоръ, закончить что? Мое временное воскресеніе прекратится завтра утромъ. Даже сегодня, потому что половина ночи уже миновала.

Утромъ я выйду на улицу, снова мечтая обладать четырьмя стѣнами. Кому разсказать? Надъ маніаками подсмѣиваются, а на обездоленныхъ, бездомныхъ не оглядываются. Я опять буду видѣть однобокія стѣны ненавистныхъ сѣрыхъ домовъ.

— Прощайте, четыре стѣны... Но быть можетъ я еще увижу васъ, если найдется тотъ, кто покараетъ меня за преступленіе?

Ноябрь 1920 г. Константинополь.

ДВѢСТИ ЛИРЪ.

— Но когда-же, когда пойдемъ пить чай ко мнѣ? Почему въ послѣдніе дни вы избѣгаете встрѣчъ и уклоняетесь отъ дружеской бесѣды?

Я вижу недовѣріе. Мое терпѣніе развѣ не залогъ моей преданности? Я довольствуюсь нашими кратковременными прогулками и отрывками разговоровъ, — словомъ тѣмъ, что вы даете мнѣ урывками. Какъ я скучаю безъ васъ, еслибы вы знали! Неужели вы не довѣряете мнѣ?

Господинъ Гиріадисъ безъ опредѣленнаго отраженія своей національности во внѣшности, отлично одѣтый, среднихъ лѣтъ, говорилъ черезчуръ горячо и убѣдительно для улицы, близко наклонившись и усаживая даму въ автомобиль.

Молодая женщина въ простомъ, почти скромномъ костюмѣ, со стройной таліей, грустно улыбнулась подъ вуалью и шутливо отвѣтила:

— Вы думаете, что я не вѣрю вамъ, а можетъ быть я себя боюсь?

И, позже, уже объѣзжая стѣны Стараго Сераля, оживленно заговорила, пристально всматриваясь прозрачными глазами въ господина Гиріадисъ.

— Вы часто повторяете мнѣ: «если бы не искренный порывъ къ вамъ, какой-же смыслъ, какая цѣль была-бы искать вашего общества» и тому подобныя вещи. Я отвѣчу правдой. Иногда я не довѣряю вамъ, иногда себѣ. Порою мнѣ кажется, что надоѣвшее однообразіе существованія и усталость заставляютъ меня принимать ваше тепло. Я въ нерѣшительности тогда. Я думаю часто также, сможете-ли вы замѣнить большое чувство того человѣка, котораго я оставлю, котораго я не люблю больше, но который поддерживаетъ меня силой своего духа. Я слишкомъ разбита, чтобы перенести разочарованіе. Мнѣ надо много, чтобы забыться. Постарайтесь понять меня, какъ слѣдуетъ. Помните также, что мы и вы—иностранцы—изъ разной глины.

Господинъ Гиріадисъ смотрѣлъ будто мимо пылающихъ губъ и блестящихъ глазъ и вмѣсто отвѣта, продолжая свою упорную мысль, замѣтилъ:

— Вы очаровательны. Какъ-бы мы могли быть счастливы. Черезъ двѣ недѣли я уѣду на Ривьеру; рѣшайте завтра все.

Синеватая прозрачность опустившейся ночи напоминала день. Металлическіе полумѣсяцы загадочно изогнулись надъ минаретами, заглядывая на звѣзды, зажженныя въ неугасающемъ небѣ. На другомъ берегу Босфора темно-зеленыя верхушки кипарисовъ простирали къ небу мольбы усопшихъ правовѣрныхъ. Мрачные, вѣчные хранители т ю р б е застыли надъ завѣщанными имъ каменными плитами. Ниже, изсине-бѣлый дворецъ купалъ свой

мраморъ, опускаясь въ дремлющія воды. Изощренные орнаменты на крышѣ принимали живыя формы, точно воплощали сладострастіе, разлитое въ воздухѣ этой ночи; казалось, что живетъ каждый изгибъ, каждый фонтанъ, но что по невидимому зову все это погрузится въ воду и развѣется, какъ миражъ.

Автомобиль очутился на другомъ поворотѣ, какъ бы столкнувшись съ изумительнымъ по своей утонченной простотѣ фонтаномъ. Надписи и изреченія Корана на зеленыхъ и блекло-бирюзовыхъ плитахъ, почти кабалистическія, волновали, какъ чудесная музыка поэмы. Величавая мечеть говорила на непонятномъ языкѣ о небываломъ, и пѣли шесть ея минаретовъ, обвитые однимъ и тѣмъ-же символомъ, сплетенные въ одинъ вѣнокъ воображеніемъ. Что-то торжественное и далекое повседневной жизни носилось въ небѣ. Внутренняя гармонія удерживала тѣхъ, кто хотя заподозрилъ ея присутствіе, подчиняла. Еще отдаленнѣе казались возможности дѣйствительнаго міра и безпомощнѣе и порабощеннѣе становилось я, покоренное этимъ зрѣлищемъ, предназначеніемъ котораго было удерживать человѣчество отъ трагедій и комедій, погружая его въ созерцательность, заставляя упиваться созерцаніемъ.

Какими жалкими показались послѣ этого улички съ облѣпившими ихъ лавченками и маріонеточнаго вида европейскими полисменами въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Слишкомъ просто, едва-ли не обидно, звучали слова Гиріадиса у подъѣзда въ змѣившемся переулкѣ на Пера:

— Завтра весь вечеръ со мною? Заѣду за вами, а затѣмъ постараюсь позабавить; надѣюсь, вы будете и веселѣе и добрѣе? —

— До свиданья!

Оба не спали въ эту ночь, возбужднные-ли собственными ощущеніями, или удивленные видѣніемъ.

— Что означаютъ ея слова: можете-ли вы дать много, замѣнить, — вотъ надъ чѣмъ задумывался онъ. — Не можетъ быть, чтобы и она была проникнута разсчетомъ и жаждой легкой утѣхи, какъ тѣ, другія. Онъ наблюдалъ ее уже нѣсколько мѣсяцевъ, плѣненный этимъ пресловутымъ славянскимъ очарованіемъ, столь манящимъ европейцевъ. Его искренне привлекаютъ ея задумчивые и таинственные сѣрые глаза и трепещущая душа, сказывающіяся даже въ незначительныхъ словахъ. Нравилось ему и то, что эта русская — была настоящей дамой, что не только видѣлъ онъ самъ, но объ этомъ ему уже успѣли и разсказать.

Бѣдняжка также долго не могла уснуть. Почти съ перваго же дня пребыванія въ этомъ городѣ, съ того момента, какъ волна выбросила ее на берегъ вмѣстѣ съ остальными эвакуированными, началась тяжелая работа въ ресторанѣ, неустанная бѣготня съ полудня до полуночи или праздное ожиданіе, иногда длящееся весь день, пока займутъ ея сто-

ликъ. Англійскіе офицеры, нагло улыбаясь, заявляли ей, что она имъ нравится, бросая съ оплаченнымъ счетомъ и свой адресъ. Мужъ, съ которымъ соединяло только пережитое прошлое, работалъ на пристани по разгрузкѣ судовъ; она дѣлила съ нимъ заработокъ, — свои, часто ничтожные, чаевые. Недѣля за недѣлей, уходили молодость и бодрость. Какъ улыбка появился Гиріадисъ, настойчиво ухаживая, но всегда неизмѣнно почтительный. Хотѣлось отдохнуть, уступить, но пугалъ обманъ; она страшилась пошленькой исторійки, любовной вспышки на одну ночь. Сторонилась того, въ чемъ забывались ея соотечественницы, захлестнутыя нуждой и угаромъ этой многоликой столицы. Достаточно оказалось намека на чувство, чтобы разбудить сладостную дрему. Но еще не отошли сомнѣніе и недовѣріе. Однако, — холеное лицо Гиріадиса, мягкое обращеніе, предупредительное и ласковое вниманіе или, наконецъ, просто возможность вздохнуть и вырваться изъ опротивѣвшаго ресторана, — не давали покоя, хотя еще и не убѣждали. Искушало и безотчетное любопытство.

Весело, подъемъ въ движеніяхъ людей, наэлектризованныхъ вечеромъ, театрами, неосторожными обѣщаніями или горячимъ пожатіемъ руки...

Они вышли изъ подъ арки ресторана, гдѣ она служила.

Не замѣтила, какъ уже снимала пальто въ квартирѣ Гиріадиса. Господинъ Гиріадисъ занималъ двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ почернѣвшаго и угрюмаго снаружи и сырого внутри дома въ непріятномъ центрѣ европейскаго квартала. Холодно, по трафарету обставленныя комнаты, несмотря на яркую лампу и топившійся каминъ, были унылы и пусты. Сюда приходили рѣдко и ненадолго: переодѣться, переночевать.

Чай, пирожныя и виски съ содой стояли какъ бы для вида, какъ украшеніе смѣшного золоченаго столика.

Она, смущенная, хотѣла и пыталась быть оживленной, сглаживая неловкость смѣхомъ и болтовней. Не удавалось; выходило неестественно, приподнято. И онъ замѣчалъ натянутость, толкуя ее по своему, и неуклюже проливалъ виски, или размѣшивалъ давно остывшій чай. Но близость нравящейся женщины притягивала, вытѣсняя остальное.

— Если вы останетесь со мною, если вы захотите — здѣсь все оживетъ. Я найму этотъ этажъ, — сказалъ зачѣмъ-то онъ, уловивъ дурное впечатлѣніе, произведенное его обстановкой.

Когда, погодя, она склонилась на его плечо, отвѣчая на ласки, больше отъ того, что хотѣлось заглушить безпокойство, онъ бурно принималъ эти знаки чувствительности и доказательства слабости женскаго сердца.

Черезъ часъ, поднимаясь съ постели, она растерянно протянула руки къ нему, уже одѣтому, точно

хотѣла поймать улетѣвшую нѣжность. Онъ порывисто схватилъ ея локоть, поцѣловалъ и вышелъ изъ комнаты. Собираясь идти ужинать она, расправляя скомканную вуаль, возилась передъ зеркаломъ. Онъ, незамѣтно, открылъ замшевую сумочку, брошенную на диванѣ и положилъ на дно ея двѣ цвѣтныя бумажки, аккуратно сложенныя вчетверо, цифрами въ середину.

Много пили въ залѣ, разцвѣченной серпантинами, національными флагами иностранныхъ державъ и освѣщенной фонариками, разубранной по случаю Карнавала. Бросали и конфетти на сцену, глядя на глумившихся, и отдалялись другъ отъ друга, отдаваясь такту танца и ритму музыки, смѣнявшейся капризами разгулявшихся музыкантовъ. Нелѣпыя маски носились въ неистовомъ фокстроттѣ, сбивая лакеевъ.

Начиналось утро, когда возвращались домой. Накрапывалъ дождь, барабаня въ кожаный кузовъ коляски.

Навстрѣчу шли рабочіе, разносчики зелени и едва продвигались ослики, съ трудомъ переставляя хилыя ноги. Яркими казались экзотическаго типа люди, тащившіе уголь и кричавшіе что-то заунывное и неясное, похожее и на пѣсню, и на призывъ. Военные автомобили съ чужестранными офицерами, державшими въ объятіяхъ сонныхъ женщинъ, готовы были смять ихъ экипажъ, едва не задѣвая колеса въ своемъ неистовомъ ходу.

Она рѣзко откинулась въ уголъ, когда онъ обнялъ ее, ища поцѣлуя.

— Не надо, вѣдь день; улица...

— А вы такъ упадете, не нужно отодвигаться, возразилъ онъ, притягивая ее снова.

Прощались поспѣшно: давно пора было вернуться домой, да и холодно было, туманно. Она первая спросила:

— Когда увидимся? Приходите вечеромъ. Я свободна: сегодня мой выходной день.

— Превосходно. Наконецъ-то вы меня къ себѣ пригласили.

Она проснулась поздно, послѣ полудня. Прибрала комнату, напилась скверная кофе и долго объясняла молоденькой армянкѣ, что ей купить къ завтраку. Протянула руку на столъ, чтобы достать сумочку за деньгами для покупокъ — сумки не нашла. Подумала, что лежитъ вмѣстѣ съ пальто на креслѣ, — тоже нѣтъ. Объискала всю комнату и переднюю, больше для самоуспокоенія, шарила въ ящикахъ и коробкахъ, гдѣ никогда ничего не было, — ясно стало, что сумочка пропала, потеряна.

— Должно быть уронила, когда ѣхали, когда онъ хотѣлъ меня поцѣловать. Мнѣ стало стыдно, что французъ — морякъ смѣется, — вспоминала она вслухъ.

Было жаль денегъ, послѣднихъ четырехъ лиръ, что заработала за два дня, и досадно, что пропала

новая сумочка и единственная, сохранившаяся изъ прежнихъ, вещица, бѣлая эмалевая пудреница. Расплакалась, плакала по-дѣтски, будто отбила носъ у новой куклы.

Но какъ же быть: надо мужу купить какао, да и самой съѣсть что-нибудь. Разомъ поднялись вся горечь и тоска, накопившіяся и давившія, какъ рыданья. Но улыбнулась, ободрилась при мысли, что теперь она не одна, что это должно быть послѣднее огорченіе, что ее любятъ. Торопливо сбѣгала (на трамвай не было необходимыхъ піастровъ) пообѣдать въ долгъ въ свой ресторанъ, а послѣ ждала Гиріадиса, лежа на кушеткѣ, слѣдя за мерцаньемъ углей въ потухающемъ мангалѣ.

Сумерки ушли, прошелъ и вечеръ, приближалась ночь. Господина Гиріадиса все не было. Не было и записки, разъясненія причины.

Случилось, но что-же?

Вѣдь раньше не бывало дня, чтобы онъ не повидался съ ней, не назначая опредѣленнаго времени, хотя былъ чужимъ. А теперь? Что если она была лишь прихотью, минутнымъ увлеченіемъ? Страсть удовлетворена, — быстрое охлажденіе — и она не нужна? Чудовищно! Грубые слова опредѣляли грубую выходку, непонятный поступокъ. Не засыпая и не раздѣваясь въ эту ночь, терялась въ догадкахъ. На другой день пришла на службу первой, чтобы не оставаться дома одной и разсчитывая на то, что Гиріадисъ или увѣдомитъ ее, или придетъ, по обыкновенію къ обѣду. Лицо ея должно быть иска-

зилось мучительно, потому что одинъ англійскій офицеръ, толкнувъ пріятеля, громко сказалъ:

— И эта недотрога начала кутить: посмотри, какъ измѣнилась. Даже глаза выцвѣли.

Разсужденія бриттовъ о ея внезапно потускнѣвшей красотѣ отразились въ сокращенномъ размѣрѣ чаевыхъ, пренебрежительно оставленныхъ на тарелкѣ.

Однако Гиріадисъ не приходилъ, хотя уже настало время ужина. Тогда, спрятавъ самолюбіе, скрывъ гордость, сухимъ голосомъ вызвала къ телефону швейцара дома, гдѣ онъ жилъ, сказавъ, что спрашиваютъ изъ магазина, когда прислать заказанное господиномъ Гиріадисомъ, и нельзя ли сейчасъ? Портье отвѣчалъ, что сегодня не стоитъ, такъ какъ мосье только что вышелъ и наврядъ ли рано вернется.

Значитъ здоровъ, не уѣхалъ? Что-же?

Не помня себя, принимала заказы, перепутавъ, кому слѣдовало подать тортъ, mille feuilles кому seelle de mouton. Уязвленная, воображала себя влюбленной; наряду съ глубокимъ мелькалъ всякій вздоръ, какія-то глупыя подробности вчерашняго, а сердце заливалось избыткомъ сентиментальности. Огорченіе и мысль о пропажѣ не отставала. Кто посочувствуетъ? Кому пожаловаться? Гиріадису? Немыслимо. Развѣ можно заикнуться о деньгахъ. Стыдъ; еще подумаетъ, что она проситъ у него. Нечего страдать, что не пришелъ? Можетъ быть онъ негодяй, проходимецъ; о чемъ же сожалѣть тогда?

Постукиванье ножей о бокалы оборвало потокъ отчаянія.

Господинъ Гиріадисъ, нехотя, грызъ сыръ, не дотронувшись до кушаній. Въ мало посѣщаемомъ кабачкѣ было достаточно уединенно, чтобы предаваться размышленіямъ. Размышленія его касались той, что металась въ ресторанѣ, не подозрѣвая ни что о ней неустанно думаютъ, ни сущности этихъ мыслей.

— Конечно. Теперь ясно: приняла, какъ ни въ чемъ не бывало; взяла двѣсти лиръ, какъ беретъ деньги каждая продающая свою любовь. Поступила, какъ большинство прислуживающихъ за столиками въ ночныхъ ресторанахъ; всѣ говорятъ, что это такъ, а онъ спорилъ. Неумѣстное упрямство съ его стороны. Къ чему онъ медлилъ со своимъ испытаніемъ? Узналъ бы правду раньше, было бы легче, потому что онъ успѣлъ немного привязаться къ этой грустной изящной женщинѣ. Но и искусстная же актриса. Какъ быстро соблазнилась значительной суммой. Несмотря на опытъ, онъ промахнулся. Обидно, что колебался, не рѣшаясь положить эти лиры въ сумочку. Увы, не ошибся. Сейчасъ бѣсило, что неудача причиняла ему горе. Наказанъ за безразсудныя мечты о любви. Развѣ не достаточно было неудачнаго брака? Да и послѣ: женщины, необходимая роскошь, всѣ оказывались похожими, какъ копіи талантливаго оригинала.

Гиріадисъ допилъ красное вино и вышелъ. Черезъ улицу изъ открытой двери «Олимпіи» доносились цимбалы. Отлично, онъ послушаетъ.

Передъ эстрадой стояла аляповато нагримированная цвѣточница въ костюмѣ пастушки. Господинъ Гиріадисъ подозвалъ ее, властно взялъ корзиночку съ фіалками:

— Я покупаю ихъ, сказалъ онъ, бросая цвѣты на пустой стулъ, и пригласилъ цвѣточницу за столикъ, заказавъ шампанское.

— Сердце должно кочевать, неправда-ли, мадемуазель?

Ее не удивилъ вопросъ.

Константинополь, декабрь 1920 г.

ЧЕЛОВѢКЪ ОТТУДА.

Около ста вымпеловъ уныло торчали между моремъ и туманомъ, посылая мольбы и безсмысленныя угрозы недостижимому небу. Уже двадцатый день мокли у входа въ проливъ болѣе пятидесяти кораблей. Подъѣзжавшимъ къ этимъ судамъ и привозившимъ хлѣбъ или воду, корабли эти казались передвижными тюрьмами, жестоко томившими заключенныхъ. Люди, находившіеся въ этихъ чудовищныхъ темницахъ, были невиданными еще узниками и, должно быть, отвѣчали за небывалое преступленіе.

Верхняя и нижняя палубы были сплошь забиты сѣро-зелеными фигурами съ землистыми лицами. Между ними почти невозможно было протолкаться; чтобы пройти въ рубку или сойти въ трюмъ, этимъ страннымъ пассажирамъ приходилось употреблять часа два-три. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство не слишкомъ огорчало ихъ, — скорѣе развлекало, внося хотя нѣкоторое разнообразіе, и будто-бы выводило изъ неподвижности. Необычайные узники проводили двадцатый день и двадцатую ночь подъ открытымъ небомъ, лишенные пищи, тепла, сна и движенія, обреченные дышать воздухомъ до воспаленія въ легкихъ. Они видѣли берегъ,

различали городъ, не имѣя возможности двинуться и не помышляя ступить на землю. Почти все время шелъ дождь. Ежились, дрожали и проклинали ночь, еще болѣе изнурявшую. Озлобленные, они пронизывали взглядомъ ненависти и зависти счастливца, которому, несмотря ни на что, удавалось примоститься гдѣ-нибудь на ступенькахъ. Но не спалъ онъ, погруженный въ кошмарную дремоту.

Въ рѣдкіе дни избранника, отмѣченнаго судьбой, увозили въ каикѣ отъискавшіеся родные или друзья.

Едва брезжилъ свѣтъ, какъ начинали поджидать завѣтную шхуну, развозившую хлѣбъ, высматривать катеръ, обычно привозившій разрѣшеніе съѣхать на берегъ. Но шхуны и катера сновали мимо, направляясь къ другимъ судамъ, гдѣ также напряженно ожидали тысячи паръ глазъ. Увертливые сандалы шныряли вокругъ корабля. Сверху удивительные плѣнники, напоминавшіе табунъ, испуганный грозою, швыряли внизъ торгошамъ: часы, ложки, сапоги, подошвы, шинели и рубашки. Взамѣнъ золотыхъ часовъ къ нимъ поднимали по канату бѣлый хлѣбъ, цѣлый хлѣбъ! Блаженство! Вѣдь здѣсь въ полдень выдаютъ по четверти фунта на весь день и еще не всегда каждому достается!

Сегодня осенній день, дождь не останавливается.

Развозившіе хлѣбъ были настроены зло и раздражительны, какъ осы, быть можетъ еще и оттого, что сознавали свое безсиліе и ничтожество передъ т ѣ м и , — передъ праведниками, искупавшими не

свою вину. Можетъ быть пытались благотворительностью скрыть свои настоящія чувства, грубостью—удержать волненіе.

Люди на палубѣ и въ трюмахъ стонали отъ страданій. Не доставало больше терпѣнія смотрѣть, какъ выгружали и укладывали въ мѣшки румяный хлѣбъ. Какъ невыносимо медленно, какъ медлительно! И какъ не скоро еще достанется предназначенная порція: маленькій кусочекъ попадетъ въ ротъ, пройдя всѣ формальности — то есть, только черезъ нѣсколько часовъ.

Внизу, въ лодкѣ, дама и студентъ наблюдали за сдачей хлѣба, помогали укладывать его въ мѣшки, убирали пустые. Сверху — униженно протягивали на веревкахъ или полотенцахъ фуражки, походные котелки и брезентовыя сумки, умоляя жалкими жестами и робкими взглядами, иногда чуть слышными словами, о маленькомъ кусочкѣ хлѣба для ребенка, для жены.

Одна фуражка принесла внизъ записку:

— Уважаемая незнакомка, пожалѣйте меня: я третій день подъ арестомъ и не получаю хлѣба за то, что съѣлъ отъ голода чужой. Поднимите глаза на вахтенный мостикъ, посмотрите на наказаннаго и пришлите хоть одинъ кусокъ.

Вольноопредѣляющійся Василенко.

Дама въ шхунѣ виновато, едва ли не крадучись отъ остальныхъ шести тысячъ глазъ, положила хлѣбъ

въ грязное дно фуражки и отправила со своимъ помощникомъ.

Изъ люка пристально выглядывали жадные женскіе глаза, высовывались безпомощныя сѣрыя руки. У нѣкоторыхъ мужчинъ, согнанныхъ въ стадо на палубѣ, подергивались мускулы и расширялись зрачки; у другихъ — все растворилось въ смиреніи, въ подчиненіи безъисходности.

Наконецъ, по трапу втащили послѣдній мѣшокъ. Шхуна неуклюже повернулась. Уходя, съ нея крикнули:

— Не нужно-ли чего нибудь? Завтра постараемся доставить!

Отвѣчали: Воды, воды! Третій день нечего пить и съ «Грознаго» намъ сигнализируютъ о томъ-же.

Между тѣмъ туманъ разползся, открывая азіатскій берегъ и намѣчая узоры Стамбула, безразличные и ненужные нездѣшнимъ. Сѣрыя и зеленыя фигуры занялись хлѣбомъ. Люди дѣлали видъ, что ѣдятъ: на самомъ-же дѣлѣ одни изъ нихъ долго жевали доставшійся имъ кусокъ, безконечно долго, до усталости, а другіе глотали его, какъ голодныя собаки въ страхѣ, что отнимутъ.

Опершись о бортъ, женщина въ сестринской повязкѣ и въ форменномъ платьѣ разламывала свой кусокъ пополамъ. Снизу, изъ скользящей лодки, что-то крикнули Она наклонилась, чтобы разслышать.

— Не заберу, кого? спросила возбужденная и — уронила ломоть въ воду.

Каикъ уже отошелъ далеко: разыскивали какого-то артиллерійскаго полковника и торопились засвѣтло объѣхать остальныя суда.

Въ первую минуту женщина точно застыла, не произнесла ни звука. Затѣмъ, развела руками, воскликнувъ:

— Сегодня снова не ѣсть! Это-же нестерпимо! За что? Когда-же избавленіе? Хотя-бы Борисъ скорѣе нашелся! Неужели т а м ъ остался?

Одна за другой падали слезы на почернѣвшіе концы косынки. Женщина наклонила голову, не отрывая взгляда отъ мутной морской воды.

Два, рядомъ стоявшіе, казака, соболѣзновали:

— Сестрица, мужъ-то разъищется. Не безпокойся, о т т у д а удралъ. Не одна ты здѣсь о своихъ убиваешься. А много-ли въ городѣ? Многіе развѣ встрѣтились? Успѣешь еще. Вотъ, что не ѣвши — плохо.

Надежда Павловна вздохнула и собралась продвигаться впередъ. Казакъ помоложе окликнулъ ее:

— Ступай, сестра, къ доктору или къ капитану, скажи, что хлѣбъ уронила. У нихъ найдется. Да не забудь: сказывали, что сегодня утромъ по запискѣ пассажировъ спрашивали. Разузнай, кого ищутъ.

Конечно, она пойдетъ и къ доктору за хлѣбомъ (хотя очень не хочется просить!) и къ капитану — справиться о мужѣ. Не заболѣлъ-ли? Навѣрное также голодаетъ на какой нибудь палубѣ. Отчего-же

не пускаютъ къ ней? Вѣдь ему, навѣрное, легче добиться, устроить.

Стараясь не замѣчать и не слышать тысячи своихъ спутниковъ, женщина шла дальше. Наконецъ, добралась до противоположной части корабля, попала въ узкій корридоръ. Низкая дверь открылась сама собою, едва она успѣла постучать

Электрическая лампочка надъ столикомъ у койки; приготовленная на ночь свѣжая постель. Тепло. Накрытый столъ съ закусками и виномъ, большой бѣлый хлѣбъ.

Тепло, свѣтъ и хлѣбъ.

Капитанъ мылъ руки надъ металлическимъ блестящимъ тазомъ.

— Виноватъ, сію-минуту къ вашимъ услугамъ. Садитесь, прошу васъ.

Запахъ ѣды и уютъ подчиняли; какъ автоматъ, Надежда Павловна опустилась на мягкій табуретъ.

— Чѣмъ могу служить, спрашивалъ между тѣмъ смуглый морякъ, вытирая руки мохнатымъ полотенцемъ и искоса разглядывая сестру.

Надежда Павловна покраснѣла, вспомнивъ о своихъ, давно не видавшихъ воды и мыла, рукахъ и, сравнивъ себя съ попрошайкой у подъѣзда, она почувствовала, что тотъ угадываетъ, что ей нужна не только справка, но что она изнываетъ отъ голода. Ее охватилъ стыдъ, но не было воли уйти, не находилось словъ сказать, объяснить. Капитанъ, доста-

вая списокъ, поймалъ въ зеркалѣ отраженіе глазъ Надежды Павловны, не отрывавшихся отъ тарелокъ.

— Нѣтъ, васъ не спрашивали. Давайте потолкуемъ и придумаемъ, какъ вамъ помочь.

Онъ сѣлъ къ столу, заботливо угощая женщину въ сестринскомъ платьѣ. Она пила вино и разсказывала ему о томъ, какъ уронила хлѣбъ, какъ хотѣла идти просить къ доктору и какъ голодаютъ на палубѣ; говорила о томъ, какъ грузились въ Россіи, какъ теряли не только свои вещи, но какъ попадали на различные корабли, неожиданно оставаясь безъ дѣтей, безъ мужа, какъ она... Невольно жаловалась, что двадцатую ночь не спитъ, потому что даже негдѣ лечь.... И, не переставая, ѣла и пила. Пила, не замѣчая, что и сколько, — капитанъ не скупился.

— Приходите ко мнѣ обѣдать и ужинать, когда хотите. Я всегда одинъ. А сейчасъ ложитесь, отдохните; мнѣ скоро пора на вахту.

Не ожидая отвѣта, онъ осторожно подвинулъ ея табуретъ къ низкой койкѣ, но Надежда Павловна, точно не замѣтила этого, усталая и опьяненная ужиномъ. Тогда онъ приподнялъ ее и положилъ на постель. Опустилась, пробормотавъ что-то въ полузабытьѣ, въ полуснѣ... Когда же онъ наклонился надъ ней, сжимая талію и сдавивъ плечи почти безжизненнаго тѣла, она только спросила слабымъ голосомъ:

— Вѣдь вамъ идти надо?

Онъ отдернулъ косынку, отбросивъ ее, какъ тряпку, открывая бѣлокурые волосы. Не ощущая прикосновенія, не испытывая близости, не отдаваясь, она принадлежала ему...

— Списокъ въ капитанской каютѣ.

— Да гдѣ же капитанъ?

— Вотъ сюда и направо.

Голоса доносились будто издалека, странные, точно изъ подземелья. Однако пробудили ее, вернули сознаніе.

— Спрячьте меня скорѣе! просила она, пытаясь подняться.

Онъ не понималъ, не отрываясь отъ нея.

— Спрячьте же! Умоляю!

Оставшаяся неплотно закрытой, дверь отворилась.

Она застонала, забиваясь подъ подушку, закрываясь ладонями. Капитанъ оглянулся и увидалъ на порогѣ блѣднаго, оцѣпенѣвшаго человѣка. Сѣрая фигура качнулась и быстро исчезла.

Довольно явственно послышалось: зачѣмъ напелъ? Къ чему были всѣ мытарства?

Человѣкъ въ сѣромъ и зеленомъ лихорадочно, не помня себя, карабкался по ступенькамъ, не слушая окрика матроса.

Отбросилъ фуражку, проведя рукой по слипшимся волосамъ... Снялъ шинелъ и, повторяя словно про себя — зачѣмъ же оттуда было бѣжать, — какъ сомнамбула бросился въ море.

Едва былъ слышенъ всплескъ. И въ темнотѣ не было видно круговъ. Но кто-то изъ дремавшихъ очнулся, пробормотавъ:

— Что, опять самоубійство? Это уже третье у насъ.

— Говорятъ, сегодня на «Стрѣлѣ» застрѣлилась женщина, — отвѣчалъ, зѣвая, сосѣдъ. — Слѣдуетъ все-же капитану доложить.

— Къ чему? Завтра утромъ при раздачѣ хлѣба выяснится, кто отправился на тотъ свѣтъ, то-бишь— на дно морское, — возразилъ первый.

Ноябрь, 1920 г. Константинополь. —

ПОЧТИ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

— Взгляните на эти плечи; какъ великолѣпно лежитъ фракъ. Ничуть не похожъ на лакея, сказала Она, указывая на слугу, уносившаго тарелки.

. . and his mouth, также по-англійски говорила Она, не останавливаясь, провожая взглядомъ безукоризненный проборъ удалявшейся фигуры и запивая свои слова горькимъ крюшономъ.

— Если говорятъ, что французскій — не китайскій и что его понимаютъ даже горничныя, то слѣдуетъ также знать, что и англійскій языкъ понятенъ инымъ лакеямъ, холодно и оттѣняя каждое слово пояснилъ Онъ.

Она насмѣшливо прищурилась:

— Что это, ревность? И къ кому-же?

— Бываютъ обстоятельства, когда господа исполняютъ не свои обязанности по различнымъ причинамъ, чтобы, напримѣръ, не нарушить долга. Я не сталъ-бы ничего объяснять вамъ, а если и скажу, то не изъ ревности, ошибаетесь, только изъ благоразумія: не хочу, чтобы вы оказались смѣшной. Я имѣю основанія предполагать, что этотъ господинъ военный агентъ или членъ одной секретной организаціи. Прежде онъ былъ такимъ же человѣкомъ общества, какъ мы съ вами. Видъ у него достаточно прилич-

ный, чтобы повѣрить этимъ росказнямъ и чтобы въ дальнѣйшемъ быть сдержаннѣе. Я просилъ бы объ этомъ, я вамъ совѣтую. А теперь намъ пора, насъ ждутъ въ театрѣ.

Пока Онъ разсчитывался, Она разсѣянно повторяла про себя — «тѣмъ лучше» и теребила стебелекъ пахучаго левкоя. Изрѣдка бросала изъ подъ густо накрашенныхъ рѣсницъ выразительные, но чуть замѣтные взоры въ сторону того-же лакея.

Отъ профессіональной наблюдательности послѣдняго не скрылось вниманіе и любопытство красивой дамы, остановившейся въ ихъ отелѣ.

Когда Они ушли, онъ смахнулъ лиловые лепестки съ накрахмаленной скатерти и печально усмѣхнулся; задумчиво пріостановился въ саду.

Пожелтѣвшіе каштаны беззвучно роняли мѣдные вѣера своей осенней листвы. Зеленоватое небо мигало появившимися кое-гдѣ звѣздами. Изъ залы доносилась пѣвучая віолончель. Мягкій воздухъ застылъ въ сладостномъ объятьи съ опустившейся ночью. Въ такіе шелковые вечера мысли спутаны, а сердца смѣлы и хочется признаній; они готовы вырваться.

— Станиславъ, разыщите, голубчикъ, бутылку Кло-де-Вужо: вчерашнее было превосходно, постарайтесь такого-же — окликнули его изъ бесѣдки, гдѣ засидѣлась большая компанія.

Точно разбуженный, съ полупоклономъ, онъ быстро отправился исполнять приказаніе.

Въ полдень Онъ, вызванный по дѣлу, не завтракалъ дома, то-есть въ ресторанѣ, замѣнявшемъ домъ. Шелъ дождь. Она пригласила знакомую и зашла въ залъ; выбрала столъ, за которымъ обычно прислуживалъ красивый лакей. Безпрестанно отмѣняла заказанное, подзывая его, нарочно удерживая новыми распоряженіями. Не стѣсняясь, или не обращая вниманія на его присутствіе,болтала съ подругой, улыбаясь ему.

— Знаешь, вѣдь это не лакей; онъ не то скрывается, не то шпіонъ. Или какая-то любовная исторія, я хорошо не поняла, когда мнѣ разсказывали. Во всякомъ случаѣ — онъ баринъ. Посмотри до чего хорошъ, эта обстановка дѣлаетъ его еще интереснѣе, шептала Она.

И снова пристально взглянула на лакея, пока подруга ловила свои губы въ крошечномъ зеркальцѣ, тщательно обводя ихъ краснымъ карандашемъ.

— Дѣйствительно, совсѣмъ какъ слѣдуетъ быть, даже изященъ. Неужели правда? Вотъ забавно.

Обѣ разсмѣялись и опять заговорили о загадочномъ лакеѣ. Слуга вспыхнулъ, точно его больно ущипнули, но не съежился, наружно сохраняя невозмутимое спокойствіе и продолжая безупречно подавать и убирать блюда.

Въ слѣдующемъ году ранняя осень была также прекрасна: по лѣтнему теплой и по своему пьянительной.

Она кончала обѣдать въ томъ же ресторанѣ; торопилась и потому, что часъ былъ поздній и оттого, что была одна.

— Да что вы меня убѣждаете. Я не вѣрю въ ихъ неприступность... А этой менѣе, чѣмъ другой... Я имѣю тому доказательства.

Раздражительный тонъ говорившаго и что-то неуловимо знакомое въ голосѣ, заставили осторожно оглянуться, въ полъ-оборота. За большимъ безпорядочнымъ столомъ, среди нѣсколькихъ молодыхъ людей, сидѣлъ странный лакей, заинтересовавшій Ея въ прошломъ сезонѣ.

Она прислушалась къ доносившимся словамъ, умышленно не сдержаннымъ.

— Я выполнялъ порученіе чрезвычайной важности, возложенное на меня начальствомъ, и былъ вынужденъ въ теченіе мѣсяца служить въ этомъ ресторанѣ. Если бы вы видѣли, какъ она вызывающе кокетничала со мною, всячески стараясь затронуть меня. Теперь я окончательно презираю женщинъ нашего круга.

Она поблѣднѣла, смутилась, но не надолго. Затѣмъ, разорвавъ пополамъ визитную карточку, написала на обрывкѣ ея:

— «Тогда я знала, что вы не лакей, а сейчасъ сомнѣваюсь въ этомъ».

Указавъ глазами, кому отдать, отослала.

Взбѣшенная, презрительно шурша платьемъ, глядя мимо, Она медленно прошла къ выходу.

Рѣдкія звѣзды блистали въ высокомъ небѣ. Безшумно падали желтѣющія листья. Надъ свѣчами кружились мотыльки. Ароматный и мягкій воздухъ путалъ мысли и возбуждалъ сердца. Въ такія ночи неизбѣжны признанія. —

Кіевъ.

БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

Ея глаза, круглые отъ испуга, напомнили о чемъ-то близкомъ, какъ сегодняшнее утро, и вмѣстѣ съ тѣмъ далекомъ, какъ минувшій ливень. На секунду взглядъ скрестился съ моимъ, упорнымъ.

— Кто? Но какъ-же здѣсь?

Я продолжалъ обходъ лазарета. Я торопился: у воротъ съ полчаса стояла бричка. Слѣдуя маршруту командировки, я долженъ былъ ѣхать дальше. Осматривая палаты, я продолжалъ ощущать на затылкѣ тягостный, давящій взглядъ. Въ повозкѣ, близко къ запыленному крылу, сбоку и неудобно, въ сестринской косынкѣ, съ убѣдительнымъ крестомъ на передникѣ, сидѣла она. Несомнѣнно рядомъ со мною очутилась *она*. По рыхлой какъ снѣгъ пыли, сради выжженыхъ степей, мы медленно продвигались къ цѣли. Я ждалъ. Я не ошибся. Въ раскаленномъ, едва колеблемомъ воздухѣ, раздался ея тихій голосъ.

— Узнали и поражены? Объясню. Вы догадываетесь, что произошло?

— Понялъ, что во всякомъ случаѣ нѣчто необычайное, иначе-бы вы не сидѣли рядомъ со мною.

Она придвинулась, склонивъ глаза ко мнѣ, отводившему свои отъ нея. Я старался заглянуть

впередъ, хотѣлось прорвать загадочную черту горизонта.

— Слушайте, не перебивайте. Разскажу все. Тогда вы уѣхали, — васъ, кажется, вызвали въ штабъ? Оставалось нѣсколько часовъ до конца. Участь моя была неизбѣжна и безжалостность рока очевидна. Но неожиданно вмѣшалась судьба, поманивъ обѣщающимъ кивкомъ. Дождь окуталъ городъ мелкой сѣткой и затянулъ мысли тягучей слякотью. Но еще трепетали чувства, одни они. Не сдавалась душа и дрожала сильнѣе, чѣмъ тѣло, прикрытое лѣтнимъ платьемъ. Мы поднимались, по крутой, вязкой тропинкѣ, останавливаясь изрѣдка, чтобы перевести дыханіе. Вѣдь т о было устроено высоко— наутро гора будетъ отлично видна съ базарной площади. Мы будемъ, думалось мнѣ, наглядными примѣрами того, какъ . . . . Впрочемъ, разсужденія мои излишни сейчасъ. Итакъ, дальше. Вольноопредѣляющійся, тотъ же, который наканунѣ кротко, съ братской заботливостью, уговаривалъ меня, вдругъ остановился. Какимъ-то особеннымъ голосомъ, съ новымъ выраженіемъ, онъ обратился ко мнѣ, придвинувшись вплотную.

— Одумайтесь, — еще не поздно. Одно слово и — я поведу васъ обратно. Тамъ — нѣсколько разъясненій — и вы свободны. Не забывайте, что эти облака не всегда будутъ свинцовыми, что завтра-же заря разорветъ ихъ и они растаютъ. Земля зальется солнцемъ и поведетъ свой побѣдоносный хороводъ. Неужели вы уступите свое мѣсто въ немъ?

Я слушала его, а передо мной въ паутинѣ дождя мелькнуло ваше насмѣшливое и испытующее лицо. Я почти слышала вашъ голосъ, полный соблазна. Помните, вы говорили на лѣстницѣ, когда меня уводили:

— Развѣ жизнь не стоитъ того, чтобы оставаться на землѣ до послѣдней возможности?

Между тѣмъ мы подошли ближе. Мелкій дождь, какъ сквозь сито, не переставалъ сѣяться намъ навстрѣчу. Было сыро и по-осеннему холодно. Я ежилась въ тонкой блузѣ, сдвигая мокрыя плечи. Хотѣлось протянуть руку за помощью къ другой,— теплой и твердой.

На перекладинѣ болтались развѣваемыя вѣтромъ двѣ фигуры. Онѣ напоминали набитыя соломой чучела, не страшныя, а убогія. Онѣ уже никого не пугали. Непогода заставила спрятаться даже птицъ.

Я оглянулась: рядомъ, — зовущій шопотъ юноши, горящій вѣрой взоръ и взволнованныя губы, а впереди — надежды, будущее.

— Вернемся, — сказала я.

— Подробности не столь важны, неправда-ли, господинъ ротмистръ? Черезъ нѣсколько дней ваша часть отступила. Я съ нею. Уже полгода, какъ я работаю въ госпиталѣ. Что-же вы молчите? Что-же вы скажете мнѣ теперь?

Мнѣ не хотѣлось говорить. Безпрестанное броженіе вокругъ политики утомляетъ до мучительности, однако я отвѣтилъ:

— Теперь? Я больше не уважаю васъ, а тогда вы были опасны.

Мы подъѣхали къ полустанку, гдѣ расположился питательный пунктъ. Вылѣзая изъ повозки, она просто и также тихо сказала:

— Прощайте, господинъ ротмистръ. Вчера я просила командира о зачисленіи меня рядовымъ въ вашъ полкъ, не знаю, разрѣшитъ-ли? Быть можетъ въ бояхъ я заслужу право на жизнь и покажу больше храбрости.

Ушла; на ея мѣсто сѣлъ кто-то изъ служащихъ, кому было по пути со мной. Вечеръ торопился скрыться за лѣсомъ. Лошади пріободрились и бѣжали шибче, вбирая ноздрями запахъ ночи. Равномѣрно постукивая, вертѣлись колеса. Я вспоминалъ.

Эта жена повѣшеннаго большевика была арестована одновременно съ мужемъ и съ однимъ изъ его сообщниковъ, руководителями и вдохновителями комитета на Югѣ. Хотя она и не принимала непосредственнаго участія въ организаціи, она была намъ нужна; ей были извѣстны участники послѣдняго заговора. По нашимъ свѣдѣніямъ арестованная была образованнымъ человѣкомъ и принадлежала къ кругу незаурядныхъ людей — въ своей прошлой жизни, до большевизма. Послѣ казни мужа, она продолжала также настойчиво молчать, какъ и втеченіе мѣсяца тюремнаго заключенія. На допросѣ на судей и меня она произвела впечатлѣніе фанатички своимъ изступленнымъ видомъ и суро-

вой непоколебимостью. Приговоръ она встрѣтила невозмутимо и равнодушно, даже безъ презрѣнія. Меня она было заставила повѣрить, что идеи могутъ быть сильнѣе людей. Что же теперь превратило ее въ образцовую сестру: голосъ юноши или повелѣніе жизни? скептически думалъ я, возвращаясь домой.

Сегодня я опять въ нерѣшительности: неужели безсильны мысли и мертвы утвержденія, какъ черныя буквы въ толстыхъ книгахъ? И только желаніе жить могущественно, только оно одно движетъ и владѣетъ нами, какъ наборщикъ, передвигающій слова для запечатлѣнія идеи?

Прошло еще полгода. На-дняхъ я узналъ, что въ послѣднемъ сраженіи сестра милосердія О. шла въ цѣпи, не оставляя раненыхъ подъ жестокимъ огнемъ. И въ томъ же бою она была захвачена непріятелемъ.

Крымъ, 1920 годъ.

НОВОГОДНІЙ ГРОТЕСКЪ.

(Сюжетъ для театра).

Константинъ, уже во фракѣ, невольно попятился отъ двери, когда увидѣлъ входившаго. Передъ нимъ стоялъ кто-то чужой въ изорванномъ солдатскомъ платьѣ, въ измятой, съ отломаннымъ козырькомъ, фуражкѣ. Деревянные, низкіе сапоги, — безобразные «сабо», были ему велики и едва держались на ногахъ. Лицо обросло безпорядочной, рыжей бородой.

— Вамъ кого? Что угодно? — Обратился Константинъ къ незнакомцу.

— Будьте любезны, скажите, здѣсь-ли Ольга Ивановна? Чья эта квартира? Я прямо съ пристани. Отыскалъ прежнихъ знакомыхъ, но кромѣ дѣтей никто не зналъ. Дали этотъ адреъ. Боюсь, что я ошибся. Вѣдь три года не былъ дома.

Онъ говоритъ запинаясь, замѣчая, что говоритъ лишнее, но не находитъ нужныхъ словъ и не можетъ остановиться.

Константинъ не успѣлъ отвѣтить, потому что сверху по лѣстницѣ сходила высокая дама. У порога она въ удивленіи пріостановилась за спиной прибывшаго.

Изъ подъ распахнувшейся шубы виднѣлось кружевное платье. Блестѣли камни. Волосы, повидимому, были только-что уложены парикмахеромъ.

— Насъ ждутъ, всѣ готовы, — нетерпѣливо начала она.

Незнакомый посѣтитель съ живостью оглянулся, услыхавъ ея голосъ. Неувѣренно и искательно протянулъ къ ней руки, радостно улыбаясь.

Она въ испугѣ отстранилась.

— Не узнаете? Неужели не узнаешь, Ольга? — Скорбно съ укоризной уронилъ онъ, безпомощно опуская руки.

Ольга вздрогнула, закинула голову, будто вспомнила что-то близко и непріятное и вдругъ вскрикнула:

— Алексѣй! —

Порывисто вошла, захлопывая дверь за собою и за нимъ. Пришелецъ стоялъ посреди передней.

Ольга прислоняется къ стѣнѣ, запахиваетъ манто, чувствуя неумѣстность своего наряда и, стыдясь открытыхъ плечей, старается ихъ закрыть. Растерянная, не знаетъ, какъ быть дальше.

Удерживаясь отъ желаній обнять Ольгу, Алексѣй нѣжно гладитъ ея руки, едва не падая отъ усталости.

Константинъ придвигаетъ имъ низкія, плетеныя кресла и собирается выйти; Ольга удерживаетъ его движеніемъ руки.

Передняя по общей забывчивости и неловкости продолжаетъ оставаться въ полутьмѣ, освѣщаясь лишь ближайшей комнатой.

Между тѣмъ Алексѣй съ наслажденіемъ откидывается въ креслѣ и понемногу успокаивается. Константинъ продолжаетъ находиться въ отдаленіи и ждетъ удобной минуты, чтобы скрыться за портьерой. Ольга обращается къ нему, но ее прерываетъ телефонный звонокъ.

Константинъ беретъ трубку:

— Да. Не знаю. Спрошу. Впрочемъ, лучше я къ вамъ поднимусь и объясню...

Пока онъ говоритъ, Ольга тревожно поглядываетъ на Алексѣя, попрежнему безучастнаго къ происходящему.

— Ольга Ивановна, Свѣтлищевы спрашиваютъ, ѣхать ли имъ отдѣльно или подождать васъ?

Ольга заговорила торопливо, точно боится, что скажетъ лишнее.

— Черезъ пять минутъ вы подниметесь къ нимъ, и скажите, что сейчасъ. Готовы, да? А теперь, Константинъ Михайловичъ, будьте и сегодня всегдашнимъ добрымъ другомъ и не откажите устроить у себя въ кабинетѣ Алексѣя на ночь. Вѣдь вы догадались, поняли, что Алексѣй мой мужъ? Вы, конечно, познакомились и выяснили это до моего прихода? Бѣдняга, до чего онъ изнуренъ. Подумайте, трехлѣтній плѣнъ и мучительное путешествіе! Неузнаваемъ, какъ измѣнился...

— Съ удовольствіемъ предоставлю свой кабинетъ... оживляясь, отвѣчаетъ Константинъ и, пользуясь предлогомъ, поспѣшно исчезаетъ въ глубинѣ квартиры.

Алексѣй приподнимается, но снова безсильно опускается въ кресло.

— Ужасающе утомленъ. Вѣдь почти всю дорогу пришлось стоять или, не разгибаясь, сидѣть на ящикахъ. Хорошо будетъ вытянуться на мягкомъ... Какъ я мечталъ, Ольга, что, когда пріѣду, буду долго говорить съ тобою и слушать тебя безъ конца, какъ прежде, помнишь? Сегодня не въ состояніи, какъ обидно. Хотѣлось бы не терять ни секунды.

Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько нетвердыхъ шаговъ. Задумчивъ. Онъ какъ будто улавливаетъ какую-то странность и смутно ощущаетъ тягость. Ольга незамѣтно слѣдитъ за нимъ, продолжая кутаться въ мѣха.

— Да, постой, удобно ли мнѣ оставаться у посторонняго человѣка, стѣснять? Отъ неожиданности и усталости я сразу не сообразилъ. Я думалъ, что ты здѣсь живешь?

— Вполнѣ удобно. Константинъ Михайловичъ — братъ моей пріятельницы. У насъ очень простыя отношенія, ты же видишь. Я пришла за нимъ сверху отъ моихъ друзей, у которыхъ я временно поселилась. Но у нихъ очень тѣсно, я сплю въ гостинной. Теперь въ городѣ повсюду и все реквизировано.

Ольга говоритъ быстро, не переводя дыханія, какъ большинство лгущихъ людей.

И продолжаетъ съ преувеличенной заботливостью, прикрывая ею неискренность.

— Вѣдь немыслимо ночью въ такой праздникъ рыскать по гостинницамъ. Все равно, нигдѣ ничего не найдешь. Тебѣ незачѣмъ двигаться. Въ подобномъ же видѣ нельзя показываться на улицѣ. Завтра достану твои вещи, всѣ костюмы въ сохранности.

Алексѣй, теряя волю, благодарно смотритъ на нее, цѣлуетъ ея руку и соглашается.

Константинъ, изъ-за портьеры, приглашаетъ его:

— Постель готова, устроилъ, какъ могъ.

— Признателенъ вамъ отъ души. Простите за хлопоты. Какимъ наслажденіемъ покажется мнѣ сонъ.

Алексѣй наклоняется къ женѣ, она невольно рѣзко отодвигается.

— Не бойся, не поцѣлую. Послѣ, когда умоюсь. Ты зайдешь? Я тебя увижу еще?

Вышелъ. Ольга неподвижна, лицо и фигура ея осунулись. Руки выражаютъ отчаяніе. Поникшая, она какъ будто готова перенести новый ударъ, будто ждетъ чего-то.

Темно и тихо. Возвращается Константинъ и освѣщаетъ комнату электричествомъ. Громко, преувеличенно громко, онъ обращается къ ней:

— Вы еще здѣсь, почему же не идете дальше передней? Алексѣй Николаевичъ легъ и проситъ васъ.

Ольга молчитъ, тогда онъ сжимаетъ ея руки и шепчетъ:

— Какъ дальше быть? Вотъ изводъ. Говори-же!

Она рѣшительно вскакиваетъ, роняя свое манто на полъ, вся пылаетъ.

— Господи, за что такое страданіе? Какъ безсмысленно: пріѣхать наканунѣ нашего отъѣзда, когда даже вещи уложены и давно куплены билеты. Развѣ можно пріѣзжать безъ предупрежденія послѣ трехлѣтняго отсутствія?

Константинъ подавленъ, какъ будто чѣмъ-то уязвленный. Ольга мягче и дѣловито говоритъ, быстро, не теряя времени:

— Распорядись, пожалуйста, чтобы собрали мои мелкія вещи въ спальнѣ и чтобы отнесли ихъ къ твоей сестрѣ: я тамъ переночую. Въ шесть утра встрѣтимся на пароходѣ. Горничная передастъ отъ меня Алексѣю письмо, когда онъ проснется и когда мы будемъ уже далеко, въ морѣ. Сейчасъ пойду пожелать ему спокойной ночи.

Дребезжитъ телефонъ. Константинъ отвѣчаетъ. Ольга со слезами въ голосѣ вскрикиваетъ:

— Конечно опять насчетъ ужина? Возмутительно! Приходится отказываться отъ встрѣчи Новаго Года... Просто нелѣпость: утромъ я оставлю этого человѣка на всю жизнь, а сегодня вечеромъ изъ-за него должна оставаться дома!

Кавказъ, 1919 г.

НАВСЕГДА.

Луна, обливая холоднымъ блескомъ подъѣздъ съ шестью колоннами, чернѣвшія между ними оголенныя деревья и аллею, уводившую въ паркъ, не забыла заглянуть и въ домъ. И такъ же равнодушно расточала свой свѣтъ въ овальное окно, законченное вверху полукругомъ съ косыми деревянными переплетами на стеклѣ. Иззелена-бѣлыя полосы, точно фосфористыя, попадали сперва на желтую стѣну. Немногія, оставшіяся непроданными, любимыя гравюры были перенесены сюда сравнительно недавно. Въ узкихъ рамкахъ, строгаго Александровскаго стиля, съ темнаго золота завитками по угламъ, отчетливѣе остальныхъ видны были двѣ. Одна въ свѣло-коричневой оправѣ съ едва примѣтнымъ бѣлымъ кантикомъ должна была изображать счастье: то подтверждала и крупными буквами подпись, не только рисунокъ. Надъ задремавшими античными зданіями, въ угасающихъ вечернихъ облакахъ, пролеталъ Амуръ. Онъ летѣлъ низко и тяжело, — такъ казалось еще и отъ того, что фигура его была нарочито преувеличена. Амуръ ронялъ надъ соннымъ городомъ игральныя кости, бросалъ умышленно. Рядомъ съ этой цвѣтной гравюрой висѣла также хорошо освѣщенная литографія въ черныхъ тонахъ, накле-

енная на яркій, какъ синька, картонъ. Подъ треснувшимъ стекломъ, по вздыбленнымъ волнамъ, съ растрепленными гребнями, поднималась галера. Два любимца стояли въ ней подлѣ своего Императора. У него разметались кудри; протянутой рукой и острымъ взглядомъ онъ указывалъ на восхищавшій его берегъ.

Трудно было сказать какой изъ двухъ рисунковъ занималъ человѣка, сидѣвшаго въ глубинѣ комнаты съ потухающей длинной трубкой въ высокихъ креслахъ возлѣ бостоннаго стола. Онъ какъ будто всматривался въ нихъ (знакомые съ дѣтства), и одновременно уносился куда-то далѣе: объ этомъ говорили его остановившіеся зрачки, задернутые задумчивостью. Онъ видѣлъ гораздо больше, нежели остатки когда-то прекрасной мебели и миніатюръ предковъ, принявшихъ загадочное выраженіе въ этомъ призрачномъ освѣщеніи.

Гдѣ-то, близко уже, послышалось оживленіе и заглушаемая окрикомъ возня.

Распахнулась дверь, какъ будто сквознымъ вѣтромъ открылась, не успѣла даже скрипнуть. Едва перейдя порогъ, остановилась женщина въ турецкой шали поверхъ плюшевой шубы. Черные волосы, затѣйливо заколотые высокимъ гребнемъ, открывали раскосые каріе глаза на оливковомъ лицѣ, сдвинутыя брови и большой ротъ. Не опуская тона, словно на одной нотѣ, гортанной и непріятной, она быстро проговорила, не давая себя остановить:

— Прощай, Владиміръ Алексѣевичъ, офицеры въ городъ свезутъ: тамъ наши цыгане, въ хоръ поступлю. А если счастье — такъ и свой соберу. Господа офицеры обѣщаютъ до Москвы довезти, коли удача будетъ. Прощай, баринъ. Прости, если когда не угодила.

— Не надо, не вернусь, — крикнула испуганная, замѣтивъ, что онъ поднялся къ ней. И съ неестественно низкимъ поклономъ (какъ на сценѣ кланяются приближенные короля), хлопнувъ дверью, стремительно скрылась.

За нею проскользнула борзая собака, должно быть нетерпѣливо ожидавшая возможности пробраться сюда, и, поджавъ хвостъ, влѣзла на диванъ. Возгласъ его — Настя! — былъ болѣе похожъ на вздохъ. Онъ бросился къ окну. Въ розвальняхъ, покрытыхъ коврами, стялъ очень молодой офицеръ, устраивая черноволосую женщину въ желтой шали. Другой, постарше, заботливо пряталъ бутылки въ карманы. Третій усаживался рядомъ съ кучеромъ. Лошади подхватили, тряхнувъ дугою, звякнувъ бубеньчиками. Луна продолжала одинаково безразлично свѣтить по пустой уже дорогѣ съ разбросаннымъ санями снѣгомъ.

Тяжело ступая, задѣвая мѣховыми сапогами упавшую съ подъоконника гитару, прозвѣнѣвшую выжидательно, Владиміръ Алексѣевичъ вернулся въ кресла. Сдавивъ виски ладонями, онъ опустилъ сѣдѣющую голову, упорно не отводя взгляда отъ мо-

заики паркета. Онъ какъ будто читалъ одному ему извѣстную исторію.

Между створками оставшейся незакрытой двери показалась приглаженная голова съ торчащей косицей, а за нею появилась и сама босоногая дѣвченка.

— Баринъ, какъ быть? Елена Кондратьевна спросить велѣли. Баринъ, тамъ офицеръ съ солдатами къ вамъ спрашиваются.

— Проси, зови сюда. Нѣтъ, подожди.

Почти веселый, помолодѣвшимъ шагомъ пошелъ навстрѣчу. Вернулись вдвоемъ. Бодрымъ голосомъ онъ продолжалъ разговоръ.

— Вы насчетъ Настеньки, или отъ нея?

Смущенный корнетъ отвѣчалъ не то виновато, не то сожалѣя, что онъ долженъ его огорчить, что его не поняли.

— Вы, вѣроятно, ждали кого-то? А меня за другого принимаете? Вамъ неправильно доложили. Я посланъ набирать лошадей для ремонта и выѣхалъ собрать свѣдѣнія въ уѣздѣ. Ваше село попало въ мой списокъ. Вечеръ застигъ меня, я спросилъ старосту о ночлегѣ и обрадовался, услыхавъ вашу фамилію: вѣдь вы въ нашемъ полку служили?

Владиміръ Алексѣевичъ, точно подкошенный, едва вслушивался, но стараясь и заставляя себя быть учтивымъ, отвѣчалъ:

— Извините великодушно старшаго, хотя и въ отставкѣ, полковника. Прошу садиться и быть желаннымъ гостемъ. Не обращайте вниманія на странности моихъ манеръ: я только что пережилъ горе.

Эй, кто тамъ, уже твердо и громко позвалъ онъ, хлопая въ ладоши и пріоткрывъ дверь.

— Подайте вина, закусокъ, да поживѣе.

Гость осматривался, стоя около собаки, лѣниво вытащившей свою острую морду, закрытую лапами. Владиміръ Алексѣевичъ возился съ лампой. Между тѣмъ румяная старушка въ черной косынкѣ, въ сопровожденіи той же босоногой дѣвчонки, накрывала ужинъ, степенно поклонившись въ сторону пріѣзжаго. Дѣвчонка, разглядывая посѣтителя, должно быть рѣдкаго здѣсь, чуть не выронила подносъ, уставленный графинами и рюмками, хотя и разрозненныхъ приборовъ, однако алмазной шлифовки хрусталя.

Гусарскій корнетъ переводилъ глаза съ половины комнаты, оставшейся въ полосахъ бѣлаго свѣта, на ту, гдѣ онъ незамѣтно очутился въ креслѣ съ гарусной подушкой, изображавшей охотника. Въ карельскомъ шкафу, съ черными сфинксами наверху, коекакъ стояли и лежали книги въ кожаныхъ тисненныхъ переплетахъ — иныя въ изгрызенныхъ мышами, иныя въ вытцвѣтшихъ. Синяя съ розанами чашка и кофейникъ отъ Гарднеровскаго tête à tête'а тоже пріютились на книжной полкѣ. Вдоль изразцовой печки были навѣшаны одна на другую замысловатой вышивки бисерныя сонетки. Подъ ними плотно прижался къ стѣнѣ маленькій треугольный краснаго дерева столикъ съ выдвижными ящичками, наполненными табакомъ. На полированной доскѣ его

тосковалъ одинокій пустой канделябръ въ видѣ бронзоваго полубога, обвитаго плющемъ.

Въ этомъ немного затхломъ воздухѣ сохранились и собрались напоминанія о бабушкахъ и прадѣдахъ. И какъ не шла къ нимъ нынѣшняя дешевая керосиновая лампа, такъ же какъ не пристали къ нимъ и любовавшійся ими офицеръ со спортивными часами на рукѣ; красавица съ Брюлловскаго портрета насмѣшливо щурилась на нихъ.

— Удивительно пріятно видѣть ваши вещи теперь, когда ихъ мало такъ осталось Но, должно быть, скучно одному въ этомъ большомъ и старомъ домѣ? Обратился къ Владиміру Алексѣевичу пріѣзжій, отпивая вина.

— Полагаю, что холодно и пусто: я тамъ никогда не бываю. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я занимаю только двѣ комнаты, не считая службъ и кухни, да еще у Настеньки одна была. Отчего такъ лѣниво пьете? — спросилъ онъ вдругъ, слегка улыбнувшись, подливая гостю мадеры въ граненную рюмку.

Привѣтливое лицо пріѣзжаго, его добрые глаза, немного лукавая улыбка и въ особенности сочетаніе ея съ выраженіемъ глазъ и голосъ его были привлекательны, притягивали и располагали къ нему.

Владиміръ Алексѣевичъ, несмотря на состояніе тревоги не покидавшей его, неожиданно для самого себя началъ бесѣду.

— Такъ какъ-же вспоминаютъ меня въ полку? Не забыли? Чрезвычайно любезно. Вы имъ опишите, какъ я доживаю свой вѣкъ — я, недавно еще блиставшій, теперь оригиналъ, — и затворникъ, для нихъ по крайней мѣрѣ.

Молодой гусаръ вскинулъ глаза, пробормотавъ — наоборотъ, — но не успѣлъ возразить.

— Не удивляйтесь, я уже утратилъ привычку обращенія съ приличными людьми. Мнѣ просто хочется объяснить вамъ, разсказать. Почему? Зачѣмъ? Ну, хоть бы для того, чтобы вы знали правду, когда будете выслушивать небылицы вродѣ той, что мнѣ отказала первая невѣста Петербурга, что кто-то застрѣлился изъ-за меня и прочій вздоръ, далекій отъ моего настоящаго, возможно что и не менѣе нелѣпаго, чѣмъ всѣ эти розсказни. Разскажу вамъ и для того, чтобы вы знали, что ошибки бываютъ такъ же искренни, какъ искренность можетъ ошибаться. Десять лѣтъ тому назадъ я ушелъ изъ полка, вышелъ въ отставку. Нѣтъ, не то: надо начать съ болѣе ранняго, болѣе важнаго.

Владиміръ Алексѣевичъ на секунду остановился, задумался, затѣмъ, молча, снова наполнилъ стаканы, пригласивъ гостя сѣсть на диванъ, занимая свое мѣсто въ удобныхъ креслахъ. Бахметьевъ со свойственной молодежи любопытствомъ къ исторіямъ настоятельно просилъ хозяина продолжать.

— Я переживалъ ту очаровательную пору жизни, въ какую мы бываемъ полны неясными, легкими чувствами и неопредѣленными, не вполнѣ

самимъ себѣ понятными намѣреніями. Большую часть года, кромѣ ученія въ Петербургѣ, я проводилъ въ деревнѣ матери въ этомъ же домѣ. Тогда здѣсь было неизмѣримо больше красоты и романтизма и все носило отпечатокъ довольства, напоминая о прежней легкомысленной праздности. Живъ былъ еще мой дѣдъ, знаменитый повѣса и ловеласъ. Дѣдъ любилъ собирать помѣщиковъ и умѣлъ задавать пиры на старинный ладъ. Онъ баловалъ меня, своего единственнаго внука и всячески потворствовалъ моимъ слабостямъ. Слабости мои, какими бы онѣ не были вначалѣ, впослѣдствіи оказались достаточно пагубными. Безхарактерный и мечтательный, я любилъ пѣніе, пляски, вино и охоту и въ увлеченіяхъ своихъ никогда не зналъ мѣры. То, что мнѣ нравилось, — затягивало меня.

Мать моя овдовѣла молодой и я выросъ безъ мужского надзора, избалованный женщиной и дѣдомъ. Я проникся духомъ семейныхъ записокъ и мемуаровъ предковъ, которыхъ несомнѣнно слѣдовало отнести къ числу чудаковъ восемнадцатаго столѣтія. И если я не чудилъ, то-есть не подражалъ имъ, то лишь въ силу того, что находился въ иныхъ условіяхъ. Въ годъ, когда я вышелъ въ офицеры, въ одну изъ охотъ, совпавшей съ днемъ его рожденія, дѣдушка рѣшилъ «загулять» и выписалъ цыганъ. Гитара и цыганская пѣсня были мнѣ уже дороги и знакомы и до этого дня не столько по загуламъ столицы, сколько по случайнымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, попадавшихъ къ намъ въ имѣніе, и по

восторженнымъ отзывамъ дѣда, дополненнымъ моимъ собственнымъ вкусомъ и вымысломъ.

Тотъ вечеръ стоитъ передо мною какъ живое существо. Я говорю съ вами, а вижу присутствовавшихъ, вижу каждый уголъ залы. Послѣ поздняго обѣда начались пляски.

Она вышла изъ круга черныхъ фигуръ, олицетворявшихъ для насъ каждая по своему значительное и задушевное.

Когда она пѣла «Всегда и вездѣ, какъ тѣнь за тобою», мнѣ думалось, что ея волненіе безмѣрно, а мое, являющееся слѣдствіемъ ея пѣнія, ничтожно, что она зажгла меня и поэтому такъ хорошъ и звученъ ея голосъ, что она угадываетъ сердцемъ происходящее во мнѣ. Я слѣдилъ за Настей до поздней ночи, едва обмѣнявшись съ нею двумя-тремя фразами; я боялся нарушить уже созданное и выраженное безмолвіемъ. Я не обращалъ вниманія на то, какъ другіе отнеслись къ ней. Но я отлично видѣлъ, что цыгане, если и не овладѣли собравшимися въ той мѣрѣ, какъ она мною, во всякомъ случаѣ они давали тонъ, какъ говорятъ нынче, настроенію, кстати упомянуть, весьма приподнятому.

Кто-то уже клялся некрасивой, высокой цыганкѣ Машѣ, вести ее утромъ подъ вѣнецъ; кто-то другой, стоя на колѣняхъ, цѣловалъ ножку женѣ запѣвалы.

На углу стола одна изъ пѣвуній, играя бокаломъ, объясняла нашему управляющему, какія онъ долженъ привезти ей сережки въ воскресенье. А Настя перебирала бахрому шали и изрѣдка бросала

задумчивые взоры на меня. Дѣдушка подбиралъ какой-то старинный, неизданный, романсъ и вполголоса напѣвалъ его слова гитаристу съ маслиновидными глазками.

Владиміръ Алексѣевичъ умолкъ, закрывъ лицо ладонью. Молчалъ и Бахметьевъ, смущенный его волненіемъ.

— Какъ слышу, какъ ясно вижу.. Простите, — буду говорить дальше. Быть можетъ легче станетъ и вы поймете меня. Словомъ наутро, я отправился отвозить на станцію хоръ, а вмѣсто этого укатилъ съ ними въ столицу. Тамъ началось: я проводилъ дни и ночи въ Новой Деревнѣ. Гостепріимство, въ сущности льстивое, чисто внѣшнее преклоненіе передъ «Княземъ», какъ они величали почетныхъ гостей, умѣніе владѣть своимъ обаяніемъ и распространять его, привлекали меня къ цыганамъ несказанно, волнуя неизъяснимо. Грязныя и темныя квартиры, перебранки на непонятномъ языкѣ между старыми и молодыми цыганками, жадность къ деньгамъ и подаркамъ у однѣхъ и безразличіе къ нимъ у другихъ, какъ у моей Насти, и непрерывающійся кутежъ — вскорѣ стали обычной для меня обстановкой. Я свыкся съ этой атмосферой и еще съ большимъ восторгомъ вдыхалъ ароматъ чудесной пѣсни. Противорѣчія лишь увеличивали мое смятеніе. Колдовское дарованіе и очарованіе этихъ людей, для нихъ самихъ неожиданное, облагораживало и возвышало ихъ не въ однихъ моихъ мечтахъ и глазахъ увлеченнаго юноши. Я забросилъ свѣтъ

и общество друзей по полку. Я пересталъ бывать въ домѣ, гдѣ считался женихомъ дѣвушки, въ которую былъ влюбленъ до встрѣчи съ Настей. Мое головокружительное чувство нашло отвѣтъ. Настя полюбила меня. Я буду безусловно правдивъ, признаваясь въ томъ, что я не желалъ близости съ нею, не стремился къ тому. Связь наша явилась какъ-бы завершеніемъ нашихъ отношеній, но во мнѣ сразу что-то упало. Растаялъ ореолъ, расплылись чувства. Въ хору поднялась сумятица: старыя цыганки и родственницы настаивали на нашемъ бракѣ или требовали ея ухода. Между тѣмъ во мнѣ еще оставалась любовь къ той, кого я привыкъ считать своей невѣстой. Однако я отдался во власть наслѣдственнаго безволія, хотя и явственно ощущалъ свое раздвоеніе, чуть не ежечасно. Я уже былъ готовъ жениться на Настѣ, чтобы избавить ее отъ оскорбленій, какъ внезапно былъ вызванъ въ деревню къ опасно заболѣвшей матушкѣ. Мама хворала долго. Мы съ сестрой почти не выходили изъ ея комнаты. Мои петербургскія похожденія стали извѣстны дома и, конечно, огорчали семью. Выздоравливая, мать моя нѣсколько разъ высказывалась по этому поводу въ отрицательномъ, болѣе того, въ негодующемъ духѣ, всякій разъ приводя болѣзнь къ ухудшенію. На разстояніи я острѣе ощутилъ ту рознь, которая была на самомъ дѣлѣ между мною и Настей. Вліяніе домашнихъ, превосходство окружавшихъ меня здѣсь, даже самый укладъ жизни, не только складъ воззрѣній моихъ родныхъ, поко-

лебали меня. Начался мучительный періодъ перелома. Выѣзжая обратно въ столицу, я твердо рѣшилъ, что на Настѣ не женюсь, но никогда ее не покину и въ силу этого порву съ той, кого почиталъ своей невѣстой. Я былъ связанъ чужою жизнью: Настя всякій разъ, какъ только узнавала, что я бываю у той, другой, грозилась наложить на себя руки. Однажды даже начала приводить свой замыселъ въ исполненіе. Предвѣстій радостей я не видѣлъ...

— Въ гвардіи замѣтно косились на меня. Оставаться въ полку, живя съ Настей, было немыслимо, также и въ Петербургѣ — невозможно изъ-за ея шалаго нрава. Мать съ дѣдушкой и моей сестрой въ то время переселились въ Италію, Я, оторванный отъ своихъ и отъ знакомыхъ, желалъ замкнуться въ новомъ, пытаясь создать что-то прочное. И настолько удачно все придумалъ и устроилъ, что зажилъ довольно спокойно въ уединеніи и вновь полюбилъ Настю, привязался къ ней, какъ къ единственному другу. Постепенно прежнее перестало для меня существовать. Одно, одно воспоминаніе иногда пронизывало меня — порой подъ вечеръ мелькалъ на стѣнѣ силуетъ Марины. Думалось тогда, что съ нею я могъ бы выстроить прекрасное, волшебное зданіе. Но возврата быть не могло. Я забылъ дорогу впередъ и не видалъ пути назадъ. Я свыкся съ неподвижностью и жилъ изо-дня въ день. Правда, однажды сиреневой весною, меня охватило небывалое томленіе, что-то натянулось во мнѣ до

крайнихъ предѣловъ, зазвенѣло и оборвалось, такъ я и остался безъ одной струны.

— Настя была ко мнѣ трогательно нѣжна и даже стала ровной, что въ ея вздорномъ нравѣ можно было считать проявленіемъ большого искренняго чувства. Повидимому, достигнувъ нашей неразрывности, она ничего иного не желала; никуда не хотѣла выѣзжать, пріучивъ и меня къ глуши. Не было и намека на недовольство или охлажденіе, ничего не говорило о перемѣнѣ. Вдругъ — сегодня ушла съ неизвѣстными проходимцами, безъ объясненія, бросила. Простилась такъ коротко, какъ не прощались ни въ одномъ хору съ завсегдатаями на разсвѣтѣ, хотя и знали, что къ вечеру свидятся. Сломала мое сердце, отняла разумъ и обрекла на медлительное приближеніе къ смерти.

Не будучи въ состояніи говорить, Владиміръ Алексѣевичъ прервалъ свое признаніе, какъ бы имъ испуганный.

— Полковникъ, я не смѣю, я не стану васъ утѣшать. Хочу только сказать вамъ, что вѣдь жизнь не кончена, что она ждетъ васъ. Нынче всѣ ушли изъ міра фантазіи и воображенія, они въ наше время не помогаютъ. Не жалѣйте о томъ, что развѣялось, какъ дымъ. Вамъ... — гусаръ смѣшался, запнувшись.

— Быть можетъ вы правы. Сердцемъ вы узнали, что меня погубило воображеніе, то воображеніе, ко-

торое навѣваютъ намъ лишь отрывки традицій или отраженный свѣтъ. Мы хватаемся за заманчивую оболочку, незамѣтно для себя вытряхивая сущность или коверкая ее. Прошлое (не мое), предначертало мнѣ такой удѣлъ. Безсознательно притворяясь передъ самимъ собою, я старался извлечь что-то изъ прежняго уже ушедшаго вѣка и не былъ въ состояніи идти со своимъ временемъ. Я не остановился во время, значитъ — не годенъ. Поздно. Не обвиняйте меня, что я не съ вами, не тамъ, гдѣ одни разрушаютъ, а другіе пробуютъ ковать жизнь. Я не помогу, тамъ я буду осколкомъ, а здѣсь я стертый дагеротипъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и приникъ лицомъ къ заледенѣвшему стеклу. Разсвѣтъ замѣнилъ ночь. Прекрасныя вчера вещи приняли непріятныя полуживыя очертанія. Изъ сосѣдней комнаты доносились сухія потрескиванія и протяжныя поскрипыванія деревянной мебели, будто жалобы. Казалось, что долженъ войти кто-то властный и страшный.

Обрадовались, облегченно вздохнувъ, когда влетѣла заспанная дѣвчонка и затароторила, что господина гусарскаго офицера требуетъ барыня, что съ дороги сбились и не знаютъ, куда дальше ѣхать.

— Совсѣмъ изъ памяти ушло, въ отчаяніи воскликнулъ Бахметьевъ. Это жена моего пріятеля, наша полковая дама. Она застряла вчера въ сосѣднемъ селѣ, у своихъ давнишнихъ знакомыхъ. Мы

сговорились, что она нагонитъ меня: я долженъ доставить ее къ мужу. Разрѣшите мнѣ попросить даму въ домъ, не сюда? Мы не задержимся.

— Просите, и, конечно, сюда: у меня какъ будто уютнѣе, а главное, теплѣе, отвѣтилъ Владиміръ Алексѣевичъ, стараясь быть радушнымъ, но невольно впадая въ свою обычную вялость.

— Благодарствуйте, — Бахметьевъ поспѣшно вышелъ.

Хозяинъ дома приказалъ дѣвчонкѣ растопить каминъ, поставить самоваръ и убрать недопитые стаканы, и снова погрузился въ созерцательную грусть.

Стало пусто и холодно, заброшенностью и ненужностью потянуло отъ стариннаго убранства, чѣмъ то неживымъ и нежилымъ. Будто задули въ комнатѣ свѣчу.

Забытой, непонятно почему уцѣлѣвшей, представлялась фигура Владиміра Алексѣевича. Его существа его, точно никогда и не бывало. Позеленѣвшее зеркало, будто забрызганное водой запущеннаго пруда, отражало совсѣмъ оплывшую свѣчу съ мигающимъ пламенемъ и безпорядочный столъ. А надъ ними безразлично улыбалась прелестная дама съ породистыми плечами.

Вошелъ корнетъ, морозный и бодрый, внесъ запахъ свѣжести и снѣга.

— Барыня наша хочетъ ѣхать дальше, не останавливаясь, признательна вамъ за приглашеніе. Благодарю и за себя, за ласковый пріютъ. Отдыхайте, полковникъ, вѣдь изъ-за меня всю ночь не спали.

Владиміръ Алексѣевичъ пробовалъ говорить что-то убѣдительное и подходящее, повторяя и о горячемъ чаѣ.

Затѣмъ вышелъ вмѣстѣ съ Бахметьевымъ на крыльцо.

Закутанная плотнымъ бѣлымъ вуалемъ, дама сверкнула глазами, кивнувъ головой и подзывала къ санямъ своего спутника.

— Сію-минуту, Марина Николаевна, — отвѣчалъ офицеръ, подбѣгая.

— Марина? вѣдь такъ ее назвалъ?

Когда лошади тронулись, Владиміръ Алексѣевичъ крикнулъ:

— Теперь ужъ навсегда!

И быстро скрылся въ домѣ.

— Какая жестокость въ словахъ: никогда и навсегда, неправда ли? — обратилась Марина Николаевна къ Бахметьеву.

Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, прибавила:

— Странный человѣкъ, этотъ помѣщикъ. Какъ его фамилія?

— Лодыженцевъ, нашъ гусаръ.

— Можно ли такъ измѣниться, опуститься, — воскликнула она въ изумленіи.

— Такъ это в ы были его невѣстой? неосторожно спросилъ Бахметьевъ.

Марина, украдкой оглянувшись, продолжала думать вслухъ:

— До чего безпощадна случайность...

Ровными и крупными хлопьями падалъ снѣгъ, заметая слѣды полозьевъ и засыпая оставленную ими усадьбу.

ЛУННОИ НОЧЬЮ ВЪ КРЫМУ.

Надъ извилистыми улицами, точно надущенными кипарисами и магноліями, изогнулся мѣсяцъ. Лунный блескъ переливаетъ опалами на сѣрыхъ камняхъ вокругъ притаившихся дачъ въ садахъ. Вы легко скользите: вы словно растворяетесь въ воздухѣ. Вѣдь вы нигдѣ. Конечно вы не въ Ялтѣ, а набережную съ разочарованными спекулянтами просто выдумалъ отъ скуки день. Вы вѣрите южной ночи, вы дышете ею.

Впереди васъ, неслышно идутъ двое. Они пріостановились въ полосѣ луннаго свѣта. Оба бѣлые прекрасные, какъ призраки. Тонкая женщина склонилась къ нему. Вы замедляете шагъ, вы боитесь подслушать слова чужой тайны. Но вотъ до васъ отчетливо доносится женскій недовольный тонъ:

— Невозможно платить десять тысячъ за фунтъ масла. Лучше въ Сербію уѣхать, или въ Болгарію, тамъ хоть розовое масло дешево.

— Да, ужасно... Ну, а сегодня на ужинъ что?

Вы обгоняете этихъ прозаическихъ, неумѣстныхъ людей и поворачиваете за уголъ. Скорѣе бы къ морю. Быть можетъ волны принесутъ въ своемъ дыханіи немного романтики?

У деревяннаго кіоска какое то существо застыло въ красивомъ изгибѣ.

— Купи же бубликовъ, вкусно съѣсть ихъ у моря.

Безпощадный прожекторъ бросилъ снопъ голубого свѣта въ лицо говорящей: — передъ вами опять ялтинская дама. Она дѣловито выплевываетъ косточки персиковъ. Ея спутникъ, «онъ», нанизываетъ на веревочку, будто драгоцѣнный жемчугъ, бублики, отсчитывая по полтораста рублей за каждый.

Вы въ отчаяніи и недоумѣваете: ночь, о томъ говорятъ луна и ваши часы, такъ почему же люди занимаются торговлей? Правда уже «одинадцать» часовъ лишь по новому расписанію. Но эти люди не хотятъ начать новой, прекрасной жизни.

Наконецъ, усталый и надломленный, вы опускаетесь на скамью внизу, у самаго моря. Ароматъ дремлющихъ волнъ вкрадчивъ, но обманчивы ихъ полусонные вздохи. Конечно ихъ шепотъ обманъ: вы явственно слышите будничные голоса. И снова женщина разбиваетъ ваше настроеніе:

— У меня болитъ голова: я положила двѣ таблетки сахарина въ чашку, а нужно одну. Говорятъ, что сахаринъ фальсифицируютъ.

— Возможно, — зѣвая, отвѣчаетъ мужской голосъ.

Женщина неожиданно оживляется:

— Пойдемъ въ ресторанъ, что на углу — тамъ упоительныя котлеты.

... И словно окрыленная заманчивой мечтой, она уводитъ его наслаждаться котлетами и возмущаться поддѣлкой сахарина.

Вы пытливо смотрите на луну; вы стараетесь разсмотрѣть ея холодное лицо; вы требуете объясненій. Въ отвѣтъ, мѣсяцъ какъ вуалемъ задергивается облакомъ. Вы поняли все, — вы увидѣли безжалостный апоѳеозъ этой ночи: женщина гордо поднимающая сковороду съ котлетами и безчисленныя людскія руки, вожделѣнно протянутыя къ нимъ.

Какая насмѣшка надъ правами ночи, моря и цвѣтовъ. Вздрагивая, вы уходите съ затаенной надеждой, что завтра, все-же, можетъ вернуться настоящее. Быть можетъ сегодня мѣсяцъ тусклъ и косъ и оттого видна въ словахъ изнанка ...

Ялта, лѣто 1920 года. —

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Записки Ротмистра N.	3
Странница, (повѣсть въ отрывкахъ)	11
Четыре стѣны	53
Двѣсти лиръ	65
Человѣкъ оттуда	79
Почти недоразумѣніе	91
Безъ заглавія	99
Новогодній гротескъ, (сюжетъ для театра) . .	107
Навсегда	115
Лунной ночью въ Крыму	135

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

ВЪ ИЗДАНІИ М. И СЕМЕНОВА

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

---

1. ЗАВТРА, ром. (изд. 2-ое, 1915 г.)
2. РЯЖЕНЫЕ, ром. (изд. 2-ое 1917 г.)
3. ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ, повѣсть (изд. 1917 г.)

ИЗДАНІЯ

ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко.

BERLIN W. 62, KLEIST-STRASSE 21

Г. БРЕЙТМАНЪ. Любовное приключеніе.
А. ДРОЗДОВЪ. Счастье въ заплатахъ.
В. КУЛИКОВСКІЙ. Адонирамъ.
Н. П. КАРАБЧЕВСКІЙ. Что глаза мои видѣли. Въ 2-хъ томахъ.
Б. ЛАЗАРЕВСКІЙ. Душа женщины.
„ M-lle Мари.
„ Обреченные.
И. ПЕТРУШЕВСКІЙ. Фрина.
„ Безъ имени.
„ Подарокъ меланхоликамъ.
Д. РАТГАУЗЪ. Мои пѣсни.
Н. ПОТАПЕНКО. Чортъ.
А. И. КРЫЛОВЪ. Басни.
В. ЧИХАЧЕВА. Хозяйка (Повар. книга).
Л. УРВАНЦОВЪ. Вѣра Мирцева. Драм. произв.
„ Благодать. „ „
„ Звѣрекъ. „ „
„ Пьяный міръ. (Романъ).
В. МИХАЙЛОВЪ. Сокр. курсъ автомобилизма для начинающихъ.
В. ПЕРВУХИНЪ. Обломки.
ЖАКЪ НУАРЪ. Сквозь дымчатыя стекла.
В. ЛЕРИ. Онѣгинъ нашихъ дней.
РАДА-БАЙ (Е. Блаватская). Жители голубыхъ горъ.
МАГАРАМЪ. „Желтый ликъ“.

ИЗДАНІЯ

ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко.

BERLIN W. 62, KLEIST-STRASSE 21

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

съ занимательными картинками въ краскахъ:

1. ПОДЪ ГРИБКОМЪ
2. ДѢДЪ-БАЛОВНИКЪ
3. ЧЕТВЕРОН. ПРОКАЗНИКИ
4. ДОБРЫЙ АИСТЪ
5. РАЗЪ, ДВА, ТРИ
6. ЛЮДИ-ПТИЦЫ
7. ПЕТАШКА-ЗАМАРАШКА
8. РОБИНЗОНЪ КРУЗО
9. НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ
10. ВЕСЕЛЫЙ ХОРОВОДЪ (въ перепл.)
11. ЧУДО-МОРЕХОДЫ (въ перепл.)
12. А, Б, В, ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ АЗБУКА
13. ВЕСЕЛОЕ ДѢТСТВО
14. ГОРЕ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
15. СКАЗКИ СО ВСѢХЪ КОНЦОВЪ СВѢТА
16. ЗООЛОГИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ
17. ГАСЕНКО — Найа изъ джунглей

DM 11.- dt

T. Krasnopolski

Ein Mensch aus der anderen We

23.6

PG
3476
K6895C4

Krasnopol'skaia, Tat'iana
Cheloviek ottuda

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 09 01 03 014 8